

Я просто хотела помочь

Оксана Филатова

Оксана Филатова

Я просто хотела помочь

«Автор»

2026

Филатова О.

Я просто хотела помочь / О. Филатова — «Автор», 2026

Она хотела стать красивой. Но её подруга решила сделать мир безопасным. Для Лики школьные годы — это ад из насмешек, унижений и комплексов. Её единственное спасение — Кира, новая подруга, готовая сделать всё, чтобы защитить её от обидчиков. Когда Лика начинает меняться и впервые учится принимать себя, Кира видит в этом не путь к исцелению, а новую угрозу. Ей кажется, что Лика становится слишком уязвимой, а значит, защищать её нужно ещё сильнее. Постепенно забота превращается в одержимость, а желание помочь — в опасную игру, где Кира сама решает, кто заслуживает наказания. Психологическая драма с элементами триллера о дружбе, которая перестаёт быть спасением и становится ловушкой. О том, как легко перепутать любовь с контролем, заботу — с одержимостью, а добро — с правом решать чужую судьбу. Но где проходит грань, за которой спаситель становится палачом? И как остановить человека, который искренне верит, что творит добро?

© Филатова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	31
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Я просто хотела помочь

Пролог

В школе все началось с чужого смеха.

Я только успела зайти в класс, как Соня уже повернулась к своей компании. На ней была идеально выглаженная белая рубашка, слишком аккуратная для обычного школьного утра, и короткая юбка, которую она носила так, будто школьные правила к ней не относились.

Она даже не спешила — ей не нужно было торопиться. Все внимание и так принадлежало ей.

— О, — протянула она с легкой улыбкой. — Королева растянутого шмота пришла.

Класс взорвался хохотом.

Не резко, скорее привычно, как если бы это было частью утреннего расписания. Сначала засмеялись двое, потом подтянулись остальные. Даже те, кто не понял, все равно смеялись, потому что так проще.

Каждый раз в начале учебного года я надеюсь, что в этот раз все будет иначе. Но хватает нескольких секунд, чтобы понять — ничего не изменится.

Никогда.

Я остановилась у соседней парты. Дерево было холодным, хотя в классе еще держалось тепло после улицы. Я на секунду посмотрела на свои рукава — слишком длинные, закрывающие пальцы. Худи висело на мне мягко, привычно. Я всегда выбирала такие вещи автоматически, не задумываясь.

Только сейчас оно вдруг показалось мне чужим.

Рюкзак вдруг стал тяжелее обычного. Или это я просто чувствовала его сильнее, чем следовало. Воздух в классе будто сжался до размеров чужих взглядов.

Соня не смотрела прямо на меня. Она никогда не смотрела в момент удара — как будто это было правилом игры.

С легкой ухмылкой она лениво накручивала прядь волос на палец, словно происходящее ее немного развлекало, но не настолько, чтобы проявлять интерес.

— Серьезно, — продолжила она, будто между делом, — ты опять в этом же?

Кто-то хмыкнул.

— Это у тебя стиль такой или ты просто... экономишь на одежде?

Смех стал увереннее.

Я опустила глаза на разрисованную парту и почувствовала, как лицо начинает гореть, хотя внутри все уже холодное.

«Сейчас кто-нибудь скажет, что это перебор... сейчас учитель... сейчас просто закончится...»

Но никто не вмешивался.

И в этом было самое привычное.

Соня чуть наклонила голову, оценивая мою реакцию. Ее ногти были аккуратно покрашены бледно-розовым, и она постукивала ими по парте в такт своим словам.

— Хотя тебе, наверное, удобно, — добавила она мягче. — Никто особо и не смотрит.

И это попало в самую точку.

Смех стал тише, но не исчез — просто поменял форму. Теперь это было не «очень смешно», а «ну... правда же».

Я сжала лямку рюкзака так сильно, что пальцы побелели.

И именно в этот момент что-то пошло не так.

— Вообще-то, это не смешно.

Голос был спокойный.

Чужой.

Я подняла взгляд.

У двери стояла новенькая.

На ней была розовая блузка, идеально подчеркивающая фигуру. Она выглядела так, будто уже была своей: такая же безупречная, как Соня и остальные девочки в классе. Рюкзак небрежно висел на плече. Именно такие девочки здесь всегда выглядели «своими». А я рядом с ними чувствовала себя чужой. Но эта заступилась за меня. За меня. Так никто никогда не делал.

Соня повернулась медленно. Не удивленно — скорее с интересом, как на что-то, что выбилось из привычного порядка.

— Прости? — переспросила она с той же улыбкой.

Новенькая не отступила.

— Это не шутка.

Повисла странная пауза — не тишина, а как будто класс забыл, как дышать.

— Окей... — Соня чуть усмехнулась. — Ты новенькая, да?

— Да.

— Тогда ты просто не поняла контекст, — сказала Соня мягко, почти заботливо. — Мы тут так общаемся.

Она говорила так спокойно, будто действительно объясняла новенькой правила, которых та пока не знала. Кто-то снова засмеялся, но уже осторожно, неуверенно. Я почувствовала, как напряжение в классе стало сильнее.

Новенькая сделала шаг вперед.

— Это не «так общаетесь». Это унижение.

Теперь стало совсем тихо. Даже те, кто секунду назад смеялся, замолчал.

Соня на мгновение перестала улыбаться. По ее лицу трудно было понять, что она чувствует, но я знала этот взгляд. Она уже не шутила — пыталась понять, что делать с человеком, который вдруг отказался играть по ее правилам.

Соня моргнула. На секунду ее лицо стало нейтральным — как будто она пересчитывала варианты.

А потом снова улыбнулась.

Но уже иначе.

— Ты ее даже не знаешь, — сказала она спокойно.

— Мне и не нужно знать человека, чтобы понять, что с ним так нельзя, — ответила новенькая.

И вот тогда Соня впервые посмотрела прямо на меня. В ее взгляде не было ни любопытства, ни жалости. Я снова почувствовала себя не человеком, а чем-то, что мешает. Проблемой, которая до этого никого не интересовала, а теперь вдруг стала замеченной.

Я выпрямилась, хотя хотелось, наоборот, стать меньше. Сжаться, исчезнуть, чтобы только снова не оказаться в центре внимания.

— Понятно, — тихо сказала Соня. — Первый день — и уже героиня.

И улыбнулась шире:

— Смело.

Слово прозвучало почти ласково, но я сразу поняла, что это не похвала. Скорее предупреждение.

Тут в класс вошел учитель, и разговор пришлось прекратить. Все быстро вернулось к привычному: кто-то достал тетрадь, кто-то перелистнул учебник, зашуршали страницы. Будто ничего не произошло. Только я никак не могла избавиться от ощущения, что теперь все стало другим.

Новенькая не спешила занимать место. Когда она проходила мимо моей парты, остановилась.

— Ты как? — тихо спросила она.

Я замерла.

Обычно на такой вопрос я отвечала автоматически: «Нормально». Даже когда было совсем не нормально. Но сейчас не смогла.

— Не очень...

Она кивнула, будто я сказала что-то совершенно обычное.

— Понимаю.

Соня уже сидела за своей партой и делала вид, что ничего не произошло. Только иногда поглядывала в мою сторону — быстро, оценивающе.

Новенькая посмотрела на свободное место рядом со мной.

— Я Кира. Можно я сяду рядом?

Я кивнула.

В этот момент ничего не изменилось, но я еще не понимала, что именно тогда началось то, чего уже нельзя было остановить.

Глава 1

Ли́ка

Наверное, самое обидное в одиночестве — это чувствовать его, даже когда вокруг полно людей. У меня есть мама, подруга, одноклассники, соседи, учителя и целый мир за окном. Но... говорить по-настоящему мне все равно не с кем.

Я перевернулась на другой бок и натянула одеяло до носа. Из кухни доносился звон посуды — мама уже проснулась. Впрочем, как всегда. Иногда мне казалось, что мы живем не просто в одной квартире, а на разных планетах. И хуже всего было то, что так было не всегда.

Когда я была маленькой, все было иначе. Мама водила меня в парк по выходным, читала сказки перед сном и знала обо мне все, что вообще можно знать. Какое мороженое я люблю. Какую книжку могу слушать по десять раз подряд. Почему я боюсь грозы.

Потом я выросла, и мама исчезла из моей жизни.

Вернее, нет. Она осталась: готовила завтрак, возвращалась вечером, спрашивала, как прошел день. Просто между нами выросло что-то невидимое. Прозрачное. Но непробиваемое. Чем старше я становилась, тем больше места в ее жизни занимала работа: бесконечные совещания, командировки, телефонные звонки и сообщения. Мне порой казалось, что ее начальник знает о ней больше, чем собственная дочь.

— Ли́ка! Ты уже встала?

Я закрыла глаза.

— Ли́и́и́ка! Нам скоро выезжать!

Голос мамы из кухни был слишком бодрым для утра.

— Уже иду! — крикнула я так, будто это правда.

На самом деле, я просто выиграла себе пару минут времени на то, чтобы морально влезть в новый день.

Это всегда сложнее всего.

Особенно когда ты заранее знаешь, что снова будешь «не такой». В школе этим занималась Соня со своей компанией. Дома — мама. Конечно, они делали это по-разному и наверняка преследовали разные цели, но результат всегда оказывался одинаковым. Мама не смеялась надо мной на весь класс и не отпускала злые шутки, но рядом с ней я часто чувствовала себя неправильной.

Я заставила себя встать. Сон цеплялся за меня до последнего, как будто не хотел отпускать. За окном уже было утро — слишком раннее, чтобы казаться нормальным.

Сегодня был редкий день, когда мама вдруг решила, что мы куда-то едем вместе. И именно поэтому он ощущался не как подарок, а как что-то, к чему я не успела подготовиться.

Я тогда просто кивнула. Не спорила. Не уточняла.

Теперь уточнять было поздно.

Я прошла в ванную на автомате — холодная вода, зеркало, привычное избегание собственного отражения. Я уже знала, где не смотреть. Это стало почти ритуалом: не задерживаться, не вглядываться, не начинать день с того, что потом будет трудно развидеть.

Выйдя из ванной и закутавшись в мягкий халат, я поежилась от утренней прохлады. Подошла к шкафу и открыла дверцу. Я пробежала глазами по полкам: вот они — мои верные друзья, оверсайз. Толстовки на несколько размеров больше нужного и широкие штаны. Мама бы снова сказала: «Мешок на себя напялила». Но мне так комфортно.

Я быстро натянула свой повседневный наряд и подхватив с полки рюкзак, вышла из комнаты и направилась на кухню.

Здесь витал аромат свежесваренного кофе и яичницы. Мама уже сидела за столом, ловко орудуя вилкой. Ее светло-русые волосы сегодня были собраны высоко и заплетены как-то необычно, с сияющими заколками. Несколько завитых прядей спускались к лицу.

Я на секунду замедлилась в дверном проеме.

Она всегда выглядела так, будто даже утро ей подходит. Аккуратная, собранная, красивая без усилий — как будто это что-то естественное, а не результат стараний.

Напротив нее, стояла тарелка с завтраком, видимо для меня. Яичная-глазунья с жидким желтком, аккуратная горка свежих овощей и ломтик сыра.

— О, Лика! Ну наконец-то. Тебя не добудисься.

Она сказала это легко. Почти с улыбкой. Но внутри у меня все равно что-то сжалось.

Как у нее получается выглядеть так... правильно? Даже когда она просто сидит и ест, в ней нет этой тяжести, которая всегда есть во мне.

Я перевела взгляд на нее — и почти сразу пожалела.

Большие глаза цвета океана, аккуратные губы с легким оттенком помады. Все в ней было слишком... идеальным. Слишком уверенным.

На ней был надет синий брючный костюм и воздушная блуза, расстегнутая ровно настолько, чтобы это выглядело элегантно, а не вульгарно.

Я на секунду представила себя на ее месте — и это ощущение было почти смешным. Как будто чужая одежда просто не сядет на мою жизнь.

В такие моменты внутри часто просыпался монстр, которого невозможно насытить. Я сама не поняла, как это произошло. Словно в тумане, открыла навесной шкафчик. Рука сама потянулась к пачке печенья. Хрустящая корочка, сладкий вкус... Это было так привычно и так неправильно.

— Лика... ты опять?

Ее голос был спокойным, и от этого стало только хуже, потому что, если бы она кричала — я хотя бы понимала, что происходит. А так я просто стояла и не знала, что от меня вообще хотят.

Она смотрела на меня так, будто я уже что-то сделала. И это было самое неприятное — я еще даже не успела ничего сказать, а уже чувствовала себя виноватой. Хотя еще ничего не произошло.

— Я просто хочу понять, — сказала она тише. — Зачем ты это делаешь?

Я замерла с пачкой печенья в руке.

— Что делаю?

Она чуть приподняла брови, очень спокойно, почти устало.

— Ты правда не понимаешь?

Конечно, я понимала. Просто в такие моменты всегда хочется сделать вид, что нет. Хотя бы на секунду отложить то, что сейчас снова станет моей виной.

— Нет... — сказала я.

И сразу почувствовала, как это звучит глупо.

Она вздохнула. Не резко, не раздраженно — именно так, как будто я не спорю, а просто снова не справляюсь с чем-то очень простым. Потом отвела взгляд на стол, и это молчание стало тяжелее любого ответа.

— Лика, ну какое печенье? — наконец сказала она. — Сейчас утро. Я приготовила завтрак.

Она кивнула на тарелку напротив.

— Я просто хотела есть, — тихо сказала я.

— Печенье с утра, Лика? — она даже не повысила голос. — Убери это.

«Это» прозвучало так, будто речь не о еде.

Я молча вернула пачку обратно в шкаф и закрыла дверцу чуть сильнее, чем нужно. Звук получился резким, и я сразу пожалела, потому что по ее лицу я поняла — она это заметила.

Она посмотрела на меня спокойно.

— Милая, ты же понимаешь, что так будет лучше.

И вот это «милая» почему-то всегда звучало не как нежность. А как что-то, что ставят рядом с замечанием, чтобы оно не выглядело слишком жестким.

Я села за стол. Овощи на тарелке выглядели как обязанность. Я ковырнула вилкой — одна трава.

— Угу.

Я могла бы сказать что-то еще. Могла бы объяснить, что мне просто хотелось нормально позавтракать, что я не делаю ничего ужасного. Но я знала, чем это закончится. Длинным спокойным разговором, после которого я никак не могла отделаться от ощущения, что лучше бы вообще ничего не говорила.

Мама сидела напротив, уткнувшись в телефон. Но для нее разговор уже был закончен.

Я ковыряла вилкой завтрак и пыталась понять, почему после обычного замечания каждый раз чувствую себя так, будто сделала что-то постыдное. Может, дело было не в печенье. А в том, что рядом с ней я всегда выглядела как ошибка, которую не исправили вовремя.

Мама встала из-за стола, взяла сумку.

— Лика.

Я подняла глаза.

— Может, сегодня обойдемся без твоего «мешковатого» стиля? Все-таки в парк едем.

Вот.

Конечно.

Я даже не удивилась. Просто внутри что-то привычно сжалось, как будто тело заранее знало этот момент лучше меня.

— Я пойду так, — сказала я.

— Может все же...

— Нет.

Она замолчала на секунду, потом просто кивнула — спокойно, как всегда, будто это тоже уже было решено заранее.

— У тебя десять минут. Я жду в машине.

Она взяла ключи с тумбочки. Через секунду дверь закрылась, и звук шагов растворился в коридоре.

Я осталась одна. И только тогда поняла, что все это время почти не дышала нормально. В квартире стало тихо. Так тихо, что я слышала гудение холодильника и тиканье часов над дверью.

Мысли путались.

Я машинально доела завтрак. Даже не заметила, когда исчезли овощи и яичница. Тарелка опустела так быстро, что казалось, мама еще не успела закрыть входную дверь.

«Когда я успела?»

Я посмотрела на пустую тарелку и почувствовала только раздражение.

Встав из-за стола, я сгребла остатки еды в мусорное ведро и поставила посуду в посудомойку.

Кухня сияла чистотой. Белый глянец шкафов, идеально протертая плита, ни одной лишней вещи на столе. Все здесь выглядело правильно. Как будто люди, которые живут в такой кухне, не спорят из-за печенья по утрам.

На столе стояли желтые тюльпаны. Обычно мама покупала искусственные цветы — практично, надолго. Но сегодня поставила живые.

Я подошла ближе.

От них пахло свежестью и весной. Странно, но этот запах оказался приятнее любых маминых слов за все утро. Я вдохнула глубже и вышла из квартиры.

На улице я сразу пожалела, что не надела куртку. Толстовка казалась теплой только дома. Март на юге всегда обманчивый: солнце уже пригревает, а ветер все еще напоминает о зиме. Я поежилась и сунула руки поглубже в карман худи.

Возвращаться было лень.

Поэтому я просто пересекла двор и направилась к машине. Мама уже ждала меня. Двигатель тихо урчал, а из приоткрытого окна доносилась музыка.

Я открыла дверь и забралась на пассажирское сиденье.

— И полгода не прошло, Лика. Я уже думала сходить за тобой. Надеюсь, ты не напала на пачку печенья после яичницы?

В ее голосе слышался упрек, но говорила она с улыбкой.

Ну вот, снова эти неприятные шутки. Почему она думает, что идеальна еще и в юморе? Хотя бы тут она далека от совершенства.

— Нет, мам. Я решила за собой прибраться и сразу вышла к тебе. Печенье не ела, можешь пересчитать, когда вернемся, — сухо ответила я.

Только теперь я захлопнула дверь и огляделась по сторонам.

В салоне пахло лавандовым ароматизатором и маминым кофе.

Я поморщилась. Никогда не понимала, что она нашла в этой лаванде.

Наша машина была старой, но упрямо отказывалась ломаться. На панели скопился тонкий слой пыли, в подстаканнике лежали чеки с заправок, а на заднем сиденье громоздились папки с документами — мама возила их с собой почти всегда.

Видеорегистратор уже мигал красной лампочкой, а на навигаторе светился маршрут:

«Ростов-на-Дону — Парк Лога».

Время в пути — 2 часа 26 минут.

Мама включила музыку. Что-то легкое, слишком спокойное для меня. Она иногда слегка постукивала пальцами по рулю, будто у нее внутри уже был какой-то хороший день, который я пока не успела почувствовать.

Я сунула наушники и прикрыла глаза.

Я чувствовала, как машина то разгонялась, то притормаживала. Открыв глаза, я посмотрела в окно. Город уже проснулся, но еще не вошел в свой дневной ритм. Утреннее солнце — еще не жаркое, а по-весеннему мягкое — заливало проспект золотистым светом. Фонари давно погасли, а вывески магазинов и кафе казались тусклыми и ненужными на этом фоне.

Мы мчались мимо знакомых фасадов: вот здание с облупившейся охристой штукатуркой и лепниной под крышей, вот бизнес-центр с зеркальными окнами, в которых отражалось чистое небо.

На тротуарах становилось все больше людей. Кто-то спешил куда-то с бумажным стаканчиком кофе, кто-то выгуливал собаку.

Город дышал свежестью и запахом мокрого асфальта после поливальных машин.

Видимо, мы не единственные, кто выбрался из дома в такую рань.

Я люблю свой город: он красивый, шумный, живой. Здесь очень вкусная еда, а невероятные ароматы из маленьких пекарен смешиваются с запахом цветущих акаций и дорожной пыли...

Люди здесь открытые, общительные, дружелюбные, но порой грубоватые. Иногда это режет глаз, но я уже привыкла.

Город оставался позади слишком быстро. Здания сменились частным сектором.

Мы выехали на трассу. Мимо мелькали проселочные дороги. Дорога стала монотонной, музыка сменилась на более спокойную, и я почувствовала, как тяжелеют веки.

От резкой остановки я проснулась — ремень безопасности больно впился в грудь. Я вытащила наушники и растерянно заморгала.

— Вот черт, я чуть не сбила кота! — почти выкрикнула мама.

Ее руки все еще крепко сжимали руль. Она выглядела по-настоящему испуганной.

— Все хорошо, мам, — сказала я как можно спокойнее. — Ты остановилась. С ним все нормально. Хочешь воды?

— Нет-нет... Спасибо. Все уже хорошо.

Она шумно выдохнула, словно только сейчас снова начала дышать.

А потом вдруг улыбнулась:

— Лика, мы приехали. Идем скорее!

От страха не осталось почти ничего. Мама уже тянулась к дверце машины с таким видом, будто последние два часа ждала именно этого момента.

Я выбралась следом.

Солнце ударило в глаза так ярко, что пришлось зажмуриться, я инстинктивно подняла руку, прикрывая лицо ладонью. После долгой дороги все вокруг казалось слишком светлым, слишком живым.

— Ради чего мы вообще ехали в такую даль? — пробормотала я себе под нос. — Парков в городе мало, что ли...

Но закончить мысль не получилось.

Прямо передо мной возвышались каменные ворота, похожие на вход в старый замок. Серые башни поднимались над деревьями, флаги лениво шевелились на ветру, а массивная кладка выглядела так, будто стояла здесь сотни лет.

Я машинально провела пальцами по холодному камню. И на секунду почувствовала себя не в парке, а где-то совсем в другом месте.

— Ладно, — пробормотала я. — Возможно, я поторопилась с выводами.

За воротами было еще красивее. По обе стороны дорожки тянулись деревянные домики и лавки. Откуда-то доносился запах свежей выпечки, сладкого теста и горячих блинов. В воздухе смешивались влажная листва, древесина и весеннее солнце.

Вокруг было шумно, но этот шум не раздражал. Смех детей, разговоры, плеск воды — все сливалось в какой-то странно уютный гул.

Глаза буквально не успевали цепляться за все сразу: резные деревянные фигуры вдоль дорожек, цветники, маленькие мостики над ручьями.

Мы прошли мимо пруда, и я невольно замедлила шаг.

У самой поверхности воды лениво плавали черепахи, время от времени вытягивая головы наружу. Одна из черепах особенно привлекла внимание — она держалась чуть выше остальных, медленно раздвигая лапы, как будто ей было все это пространство положено по статусу. Смотрелась так уверенно, что я невольно хмыкнула.

— Смотри, — я кивнула в сторону воды, чуть наклонившись к маме. — Эта выглядит так, будто она тут начальник.

Мама проследила за моим взглядом и тихо усмехнулась.

— Ну да, у нее явно нет конкурентов по скорости карьерного роста, — сказала она и чуть наклонилась вперед, прищурившись. — Вон та, которая рядом, вообще как будто у нее на стажировке.

Я коротко рассмеялась — неожиданно легко, почти автоматически.

— Она сейчас еще отчет начнет требовать, — добавила я.

Мама улыбнулась шире, и на секунду ее лицо стало мягче, без привычной собранности.

— Главное, чтобы тебя не назначили к ней в подчиненные, — сказала она и легонько подтолкнула меня плечом.

Я невольно улыбнулась сильнее.

Кажется, это место действительно было похоже на сказку.

Я отвела взгляд от воды, и мы медленно пошли дальше вдоль дорожки. Черепахи остались позади, растворяясь в тихом плеске пруда.

— Представляешь? Владелец этого парка — бизнесмен, который купил дом не в каких-нибудь теплых странах, а здесь! — воодушевленно говорила мама.

Она рассказывала про декорации, мастерские и цеха парка. Глаза ее светились так ярко, что, казалось, затмевали солнце. Я слушала ее, не перебивая, и с удивлением ловила себя на том, что мне это действительно интересно.

Мама вдруг рассмеялась:

— В уборных для посетителей расписные потолки! А туалетную бумагу держит рыцарь! Представь только: у каждой девушки после такого похода поднимается самооценка!

— Ну это уже сильный аргумент.

Ее смех был таким заразительным... Я поймала себя на том, что улыбаюсь в ответ.

— Предлагаю прогуляться по аллее вдоль стены, пообедать и прокатиться на колесе обозрения! Что скажешь?

Идея мне нравится. Хотя я бы уже сейчас что-нибудь перекусила — в животе предательски заурчало.

— Отличный план!

И я действительно была согласна.

Мы дурачились: бегали по каменной лестнице, корчили рожицы кривым зеркалам. Рядом, будто живые, скалились деревянные шуты. Смех как будто не заканчивался. Мы даже сделали несколько совместных фото — пытаемся вытянуть декоративный меч из камня.

Я не люблю фотографироваться — обычно получаюсь неудачно и занимаю слишком много места на снимке. Но сейчас мне хотелось запечатлеть эти моменты в памяти и хотя бы на нескольких фото. Мы вместе, и мы счастливы! Как будто это может быть реальностью.

Мы шли дальше по аллее, и усталость постепенно накрывала волной. Ноги стали тяжелее, а сам парк уже не казался таким бесконечно сказочным — скорее большим, пройденным целиком, до последнего поворота.

Я поймала себя на мысли, что безумно голодная.

— Давай где-нибудь поедим, — сказала я, оглядываясь по сторонам. — Я тут одно место присмотрела.

Я кивнула в сторону ресторана с необычным входом — прямо в пасти огромного деревянного великана. Он выглядел так, будто его придумали специально для меня.

Но мама даже не задержалась взглядом.

— Нет, — сказала она спокойно, почти сразу. — Там один фастфуд.

И, не давая мне ничего возразить, кивнула в сторону другого здания:

— Пойдем лучше туда.

Я выдохнула. Спорить не было сил — я слишком хотела есть.

Пока мы возвращались к центральной аллее, я вдруг заметила, как сильно изменился парк. Солнце уже опустилось ниже, длинные тени растянулись через дорожки, а золотистый свет стал мягче и теплее. Только сейчас я поняла, что мы провели здесь почти весь день.

Мы свернули к ресторану, и шум парка на секунду стал тише — будто нас отделили от него стеной. У входа пахло горячим тестом и мясом, дверь то и дело открывалась, выпуская теплый воздух наружу.

Я на мгновение задержалась у порога.

Внутри стояли деревянные столы и стулья; деревянные стены были усыпаны картинами. Вдоль стен стояли украшения с роскошными вазами, фигурками и часами. Где-то лежали старинные книги, где-то стоял винтажный граммофон; даже шкура медведя висела на стене.

По залу тянулся густой запах еды. От голода сводило желудок, и он предательски громко урчал.

К нам подошел официант:

— Добрый день. Меня зовут Павел. Я буду вашим официантом. — дружелюбно представился он.

Мы сели за предложенный столик и уткнулись в меню.

Я уставилась в страницы, но буквы будто цеплялись друг за друга и теряли смысл. Голод мешал сосредоточиться: взгляд все время соскальзывал то к названиям блюд, то к фотографиям, то просто вниз страницы, не задерживаясь ни на чем.

— Милая, ты готова сделать заказ? Что бы ты хотела? — спокойно спросила мама.

Я не сразу поняла, что это ко мне.

— Я... — выдохнула, быстро пролистнула меню обратно, будто там могло появиться что-то новое.

— Я бы хотела свиную рульку с картофельным пюре и тушеной капустой... жареные сырники крокеты... и штрудель с брусникой.

И только договорив, я на секунду замолчала.

Я моргнула и чуть сильнее сжала край меню.

— И... все.

Мама смотрела на меня с легким удивлением.

— Ты сейчас это все одна съесть хочешь?

В ее голосе не было упрека — только тихое недоумение.

Я открыла рот, но ответ не пришел сразу.

— Дамы, вы готовы сделать заказ?

Голос прозвучал рядом слишком вовремя.

Я подняла глаза.

Павел стоял у стола — высокий, с аккуратной улыбкой и блокнотом в руках. Слишком нормальный для того, что происходило у меня внутри.

— Да-да! — тут же оживилась мама. — Сейчас.

Она даже не посмотрела на меня.

— Будьте добры: нам две порции свежих овощей; тарелку сыров; мне семгу с кремом из авокадо.

Я медленно опустила меню.

— А юной даме запеченную телятину с грибами. И еще чай с мятой!

Она бросила на меня быстрый взгляд. Тот самый взгляд, который я слишком хорошо знала. Мама уже решила, что для меня будет лучше.

— Желаете что-нибудь на десерт к чаю? — уточнил официант, все еще вежливо улыбаясь.

— Нет, спасибо.

Потом она посмотрела на меня. И уже мягче, будто между делом, добавила:

— Правда, Лика? Сладкое тебе сейчас ни к чему.

Я почувствовала, как кровь приливает к лицу.

— Мам... — снова попыталась я.

— Что? — она удивленно подняла брови. — Я же правду говорю.

Я на секунду опустила взгляд в меню.

— Может... хотя бы мороженое? — вырвалось тише, чем я хотела.

Мама даже не задумалась.

— Какое еще мороженое? Милая, ты же сама понимаешь, что мороженое сейчас не лучшая идея.

Она подняла взгляд на официанта и добавила:

— Спасибо, Павел. Мы обойдемся без сладкого.

Павел кивнул и сделал пометку в блокноте.

А я вдруг почувствовала, как у меня внутри все сжалось. Не от слов — от этого спокойного тона, в котором меня будто уже заранее вычеркнули из любого выбора. И тут же — короткий взгляд официанта. Неловкий. Слишком внимательный. Как будто он понял больше, чем должен был.

От этого стало еще хуже.

Я опустила глаза в меню и тихо выдохнула:

— Ты права... обойдемся без мороженого...

Павел повторил заказ, уже без паузы, как будто спешил закончить этот момент, и ушел, слегка кивнув.

И все равно — я еще чувствовала на себе его взгляд. Сочувствующий. Быстрый. И от этого хотелось просто исчезнуть под столом.

Меню у меня уже забрали, и руки вдруг остались без дела.

Я положила их на стол, потом убрала обратно на колени. Снова вернула на стол. Пальцы сами нашли зубочистки в стаканчике и начали медленно их перекладывать — одну за другой, просто чтобы хоть чем-то занять себя. Слишком тонкие, слишком хрупкие, они дрожали в пальцах и только сильнее выдавали мое напряжение.

Я даже не сразу заметила, как уже сжимала солонку, потом отпустила. Поставила ровно. Сдвинула на миллиметр. И снова обратно.

«Только бы не смотреть ни на кого».

Я уткнулась взглядом в стол, хотя внутри все продолжало шуметь.

Мама тем временем все еще говорила.

Ее голос оставался ровным и уверенным. Она что-то рассказывала про работу, коллег, какие-то забавные случаи, вспоминала людей, которых я не знала, и даже обсуждала чей-то десерт, принесенный в офис. Я слышала слова, но почти не улавливала смысл. Только интонации — то легкий смех, то спокойное удивление, то уверенная точка в конце фразы.

А я просто кивала иногда. Не потому что слушала, а потому что так было проще.

Пальцы снова нашли зубочистку. Я повертела ее между пальцами и сломала чуть сильнее, чем нужно. Деревянный край неприятно кольнул кожу.

Я сразу спрятала руки под стол.

Мысли сами потянулись к Кире — к единственному человеку, который умеет просто быть рядом. Она всегда слушает так, будто я важна, будто все, что я чувствую, имеет значение. С ней я никогда не чувствую себя лишней. С ней я просто есть. И от этого внутри стало теплее.

— ...и представляешь, она мне потом пишет: “я думала, ты не справишься”, — донесся до меня мамин голос, уже ближе, чуть громче. — А я справилась, конечно.

Она засмеялась сама себе.

Я подняла взгляд на секунду.

Мама выглядела уверенной. Собранной. Как будто весь этот день был для нее легким, понятным, правильным. И только я никак не могла понять, почему рядом с ней все время чувствовала себя чужой этому «правильно».

Я снова отвела взгляд.

Солонка стояла чуть криво. Я машинально поставила ее ровнее. Потом убрала руки под стол, чтобы больше ничего не трогать.

Время тянулось мучительно медленно, но наконец принесли еду.

Запах ударил сразу.

Теплый, мясной, слишком вкусный после долгого ожидания. У меня почти мгновенно свело желудок — я даже не подумала, просто потянулась к вилке и начала есть быстрее, чем успела это осознать.

— Лика! Ну куда ты так торопишься?! — голос мамы звучал резко, почти на весь зал.
— Никто у тебя не отнимет!

Я застыла.

Вилка зависла в воздухе.

Щеки вспыхнули так быстро, будто по ним провели горячим. Я почувствовала, как кто-то рядом обернулся — потом еще кто-то. Смешок с соседнего столика прозвучал особенно отчетливо, как щелчок.

И вдруг — ощущение, будто взглядов стало слишком много. Хотелось просто исчезнуть вместе со стулом, провалиться вниз, чтобы никто не видел.

— Мам... Я просто... очень проголодалась... — выдавила я почти шепотом.

Она даже не понизила голос.

— Ты знаешь, у моей подруги дочь твоего возраста, Виолетта, — спокойно начала она.
— Она похудела на десять килограммов. Была немного больше тебя... а сейчас — просто красotka.

Она улыбнулась, будто рассказывала что-то хорошее.

— Я подумала: если она смогла, то и тебе тоже будет полезно. Просто чуть-чуть дисциплины.

Я медленно положила вилку.

Внутри все сжалось. Я никак не могла понять: она правда пытается меня поддержать или просто в очередной раз напоминает, что я хуже какой-то Виолетты?

— Я не хочу сидеть на диете... — тихо сказала я, почти не поднимая глаз.

— А что ты хочешь? — ее голос стал ровнее, но от этого только тяжелее. — До конца жизни прятаться в этом мешке, который ты называешь одеждой?

Горло перехватило.

Я моргнула быстро, слишком быстро.

«Зачем она так... разве она не видит...».

— Милая, я же помочь хочу, — уже мягче продолжила она. — Посмотри на себя. Ты носишь такие вещи... будто прячешься. А они, наоборот, только сильнее это подчеркивают.

Она чуть наклонила голову, подбирая слова.

— Тебе бы пошла одежда, которая открывает тебя, а не скрывает. Я могла бы тебе помочь с выбором. Ты красивая девочка. Просто сама этого не видишь.

«Красивая»?

Странно. После ее слов я чувствовала себя только хуже.

— Все... хватит, — вырвалось у меня.

Голос дрогнул.

Я резко отодвинула тарелку, хотя почти не доела.

— Ничего мне не надо! Я сама решу, что мне носить! Хоть это можно?!

Я встала.

Стул тихо скрипнул по полу.

В груди все дрожало, и я даже не поняла, в какой момент это стало слишком.

— Я хочу домой.

И не дожидаясь ответа, я быстро пошла к выходу.

Хотелось скорее спрятаться от взглядов, которые, казалось, были полны презрения. Все смеялись надо мной, а мама продолжала их радовать новой порцией издевок. Она даже не стала меня останавливать. Она всегда считает, что это не она делает больно, а у меня просто «подростковое», которое скоро пройдет.

Я толкнула дверь выхода и краем глаза увидела маму. Она сидела неподвижно, сжав губы в тонкую линию. На секунду мне показалось, что она сейчас встанет и пойдет за мной. Но она только отвела взгляд.

Хлопнув дверью, я вышла из заведения.

Духота сменилась вечерней свежестью. Я вдохнула и почти ничего не почувствовала — будто воздух просто прошел мимо, не зацепившись внутри.

Сказочные виды парка уже не радовали. Я смотрела на них как сквозь мутное стекло. Даже красивейший водопад провожал меня слезами.

Пока я шла к машине, время будто провалилось. Шаги растворились — не осталось ни звука, ни ощущения, что я вообще куда-то шла.

Я сама не заметила, как оказалась у машины.

«Жаль, что я не могу завести ее и уехать» — промелькнуло в голове, когда поняла, что самой мне не выбраться отсюда.

Я облокотилась о уже остывший, но еще теплый металл капота и уставилась в пустоту. Ноги гудели, а внутри была звенящая пустота.

В голове, как заевшая пластинка, крутились мамины слова: «Ты знаешь? У моей подруги дочь Виолетта твоего возраста: она похудела на 10 кг!». Зачем она так со мной? Неужели не видит, что делает мне больно?

Я подошла к тротуару и села, обхватив колени руками. Я ждала. Ждала, что она придет, увидит меня здесь — маленькую и раздавленную — и все поймет. Я так хотела услышать простое «Прости». Я бы, наверное, даже заплакала и все простила.

Где-то вдалеке я увидела до боли знакомый силуэт. Мама шла к машине уверенной походкой, на ходу роясь в сумочке в поисках ключей. Она выглядела совершенно спокойной.

Она села за руль, включила музыку — какую-то легкую, попсовую мелодию, которую она всегда включала, когда у нее было хорошее настроение. Она поправила зеркало заднего вида и улыбнулась своему отражению. Приоткрыв окно, она будничным тоном спросила:

— Ну что, поехали?

Я медленно поднялась с тротуара, отряхивая джинсы. Молча подошла к пассажирской двери и села в машину, хлопнув дверью чуть сильнее, чем планировала.

Машина тронулась с места.

За окном снова замелькали сказочные огни парка, но теперь они казались фальшивыми, как дешевая гирлянда. Я смотрела на мамин затылок. Она что-то тихо подпевала радио.

«Она даже не собирается извиняться». Эта мысль обожгла хуже пощечины. Наверное, она вообще не считает, что сделала что-то плохое.

Я отвернулась к окну, чтобы она не видела моих слез. Свет встречных фар скользил по стеклу, на секунду возвращая мне собственное отражение: растрепанная, с красным от стыда и обиды лицом.

Мама держала руль спокойно, уверенно. Как всегда. Словно мы просто ехали домой после обычного дня.

Всю дорогу она молчала. Только однажды чуть убавила музыку и снова вернула руку на руль.

— Устала? — спросила она наконец, не отрывая взгляда от дороги.

Голос был ровный. Почти бытовой.

Я не сразу поняла, что вопрос адресован мне.

— Нет, — ответила я слишком быстро.

И снова тишина.

Я сильнее прижалась лбом к стеклу — холод немного отрезвлял, но внутри все оставалось таким же натянутым и пустым. За окном мелькнуло отражение ее лица в боковом зеркале: спокойное, собранное, и от этого стало только хуже. Она как обычно сделал вид будто ничего не случилось.

Я закрыла глаза.

Я хотела домой. Но больше всего я хотела оказаться как можно дальше от нее.

Глава 2

Ли́ка

Ли́ка, милая, пора вставать, — говорила мама из-за двери своим привычным тоном.

Она аккуратно приоткрыла ее и заглянула в комнату.

— Мне пора на работу, сегодня ухожу раньше обычного. Хотела убедиться, что ты не проспешь.

Вот как у нее получается так легко вычеркивать из жизни все, что произошло? Я бы тоже хотела иметь такой талант: сначала сделать больно, а после жить дальше, ни на что не оглядываясь. Но я так не умею.

— Я сейчас встану, — сонно, с тоской отозвалась я.

— Да, и... — она немного запнулась. — Спасибо за чудесную поездку, мне очень понравился вчерашний день. А теперь мне точно пора. До вечера, милая.

И она ушла, оставив дверь приоткрытой.

Я даже села на кровати.

— Серьезно?

— Ей понравился вчерашний день?

Как будто ничего не произошло. Не было ресторана, ее замечаний, того унижения перед официантом. Иногда мне казалось, что мы проживаем один и тот же день совершенно по-разному. Почему родителей не выбирают? А может, дело во мне? Может, я действительно все слишком остро воспринимаю?

Где-то в коридоре хлопнула входная дверь.

Только тогда я позволила себе выдохнуть.

Будильник тут же напомнил, что сегодня понедельник. Я быстро выключила его, не дав противному пisku заполнить комнату, и еще несколько секунд сидела на кровати, собираясь с мыслями.

Потом все-таки заставила себя подняться.

Я вышла из комнаты и направилась на кухню. Квартира после маминого ухода стала привычно тихой. Поставила чайник, достала печенье и налила себе чай. Аппетита почти не было, но идти в школу совсем голодной тоже не хотелось.

Первый же кусочек печенья неприятно напомнил вчерашнее утро. Я поморщилась и тут же прогнала эти мысли.

Телефон завибрировал.

Я даже вздрогнула.

«Кира».

На губах сама собой появилась улыбка. Я тут же нажала «Принять».

— Алло, Кира! Привет!

— Привет, Лик!

— О, я так скучала! — одновременно сказали мы и засмеялись.

— Ты во сколько собираешься выходить? Давай встретимся и вместе пойдем в школу, столько нужно рассказать!

— Конечно давай! Я уже собираюсь, пойду в твою сторону, — оживилась я.

— Принято, — отозвалась Кира и положила трубку.

Стоило услышать ее голос и внутри будто появился воздух. С Кирой всегда было просто: не нужно было подбирать слова или притворяться кем-то другим.

Я торопливо допила чай, поставила кружку в раковину и почти сразу собралась. Натянула любимую бордовую толстовку и широкие штаны.

Перед выходом задержалась у зеркала. Волосы лежали ровно и гладко, взгляд еще выдавал вчерашний вечер, но это уже казалось чем-то далеким.

Хорошо, что в школе нет формы. Когда-то директор пытался ее ввести, но ничего не вышло — и за это я была ему почти благодарна.

Я не стала задерживаться и вышла из квартиры, накинув куртку.

Мы жили совсем рядом, поэтому дорога заняла всего несколько минут. Я шла знакомым маршрутом, мимо еще сонных улиц, где город только начинал просыпаться.

Постепенно солнце стало мягче и теплее, и где-то на полпути я поймала себя на мысли, что в куртке уже жарко. Март снова обманывал — начинался холодом, а заканчивался почти весной.

Кира ждала меня у Пушкинской аллеи, возле памятника — там, где шум перекрестка никогда не стихает до конца: машины, светофоры, обрывки разговоров.

Я заметила ее не сразу. Сначала — знакомая фигура среди людей, потом движение, когда она чуть повернулась в мою сторону. И только тогда я поняла, что это она.

В следующую секунду мы уже шли навстречу друг другу почти бегом. Обнялись так крепко, будто не виделись не три дня, а целую вечность.

От нее пахло чем-то ягодным и теплым, совсем по-весеннему. Кира всегда была очень красивой. Светлые локоны лежали мягкими волнами, а легкий макияж только подчеркивал ее большие серо-голубые глаза.

Странно, но рядом с ней я никогда не чувствовала себя хуже. Она словно не замечала ни моих лишних килограммов, ни растянутых толстовок. Для нее я всегда оставалась просто Ликой.

Я хитро прищурилась и наклонила голову набок.

— Ну что, рассказывай! Как твоя поездка к твоему мужчине?

— Лика, ты с каким лицом вообще это говоришь? — Кира толкнула меня локтем в бок.
— Ты сейчас что-то пошлое придумала, да?

Я засмеялась, толкнула ее в ответ:

— Да ничего я не надумала! Колись уже, давай! Что там было?

Кира театрально закатила глаза, но тут же улыбнулась:

— Ну, мы много гуляли... ели всякую «заморскую» еду... Володя так пытался меня впечатлить, весь такой важный.

— О-о-о, уже интересно, — протянула я. — И?

Она чуть понизила голос, будто делилась секретом:

— А потом он пригласил меня к себе.

— Так, стоп! — я тут же вскинула брови. — Прямо вот так? И ты согласилась?

Кира довольно хмыкнула:

— Ага. И мы так траванулись этой «экзотикой», что живот скрутило жуть как! Мы по очереди бегали в туалет!

На секунду повисла пауза, а потом мы обе взорвались смехом.

— Бедный Володя, — сквозь смех выдавила я. — Представляю его лицо. Он, наверное, думал, что создает романтику, а создал... пищевое проклятие.

— Он старался! — Кира прыснула. — Мы потом еще полночи ржали.

— А вообще, он классный, — добавила она уже тише и спокойнее. — Ты знаешь, иногда мне кажется, что это и есть любовь.

Я даже не сразу что-то ответила — просто улыбнулась, глядя на нее.

Незаметно мы подошли к школе. Отовсюду сбегались ученики; мы услышали звонок и рванули внутрь.

Здесь было шумно: стоял гул из голосов, пахло гречкой и свежееиспеченными булочками.

— Чувствуешь этот запах? Я его обожаю! — с наслаждением спросила Кира.

Мы уже заходили в класс, когда я ответила чуть громче, чем хотелось:

— О да! Рогалики! Сегодня будут они, мои любимые с повидлом! — чуть ли не подавившись слюной, сказала я.

И тут я поймала его взгляд. Гена сидел за своей партой и смотрел на меня с этой своей мерзкой ухмылкой. Он демонстративно закатил глаза и, ни к кому не обращаясь, но так, чтобы все слышали, процедил:

— Опять она со своим «жрать»... как будто в жизни ничего больше нет.

На секунду стало тихо. Кто-то хихикнул. Потом еще кто-то. Через мгновение смех покатился по всему классу.

— Не успела проснуться уже жрать надумала? Жируха! — выкрикнул он уже в полный голос.

Смех стал громче. Кто-то захлопал по парте, кто-то повторил его слова. Остальные делали вид, что ничего не происходит, но мне казалось, что смеются все. Они поддерживали его. Одобряли. Я должна была привыкнуть и не обращать внимание, но как бы ни старалась — больно было все равно.

Кира наклонилась ко мне и прошептала:

— Может свалим, пока учителя нет?

— Куда это вы собрались? — обратилась к нам Галина Васильевна, только что вошедшая в класс. — Девочки! Рассаживаемся!

Мы сели по местам. Я бы все отдала, чтобы сейчас сидеть с Кирой, но жизнь распорядилась иначе. Она оказалась в тылу врага — рядом с Соней, той, кто меня ненавидит. А я... я сидела одна, на предпоследней парте, как прокаженная. Нас рассадили, чтобы мы «не отвлекали друг друга». Какая ирония.

Я перевела взгляд на Соню.

Высокий хвост, гладко стянутые темно-каштановые волосы, идеально ровная осанка. Она выглядела уверенной — даже слишком. Худощавая, аккуратная, вечно одетая так, будто случайно вышла не в школу, а на подиум.

И вроде бы ничего особенного. Обычная девчонка.

Но стоило ей открыть рот — и весь класс будто подстраивался под нее.

Соня умела быть разной. Для учителей — почти ангел: вежливая улыбка, спокойный голос, идеальные ответы. Для остальных — «своя», дерзкая, смелая, та, к которой тянутся.

А для меня... она всегда была другой.

Той, что умела унижать так, будто это нормально.

С самого детства.

Два урока истории подряд — это просто пытка. Но для меня они пролетели незамеченными, словно в тумане. Я не слышала ни слова учителя, лишь ловила взгляд Киры. Она то и дело оборачивалась, и в ее глазах я видела отражение своей боли. Она грустно, горько улыбалась, и от этого становилось только хуже. Она снова обернулась ко мне. И выглядела так, будто это ее только что унизили перед всем классом. Черт. Вот этого я ненавидела больше всего.

Я не хотела, чтобы она грустила. Эти издевательства были направлены только на меня, и никак не должны были задевать невинных. Хотя я до сих пор не понимаю, чем заслужила такое сама.

— Новиков, — голос учителя выдернул меня из мыслей. — Давай-ка к доске.

Я даже не сразу подняла взгляд.

Ваня лениво встал из-за парты.

По классу прошел тихий шум — почти незаметный, но привычный. Он всегда вызывал у всех одинаковую реакцию.

Он сделал пару шагов, но учительница тут же остановила его взглядом.

— И принеси сюда то, что вы там передаете, — сказала она строго. — Давай.

Ваня спокойно развернулся обратно, без спешки достал с парты сложенный листок и так же невозмутимо отнес его к учительскому столу.

— Заберешь после урока, — коротко сказала она, забирая бумажку.

Он чуть кивнул.

И улыбнулся — легко, почти незаметно, как будто это все вообще не имело к нему никакого отношения.

Пара девчонок на задних партах тут же зашепталась.

А я поймала себя на том, что смотрю на него дольше, чем нужно. Спортивный, темно-волосый, с легкой улыбкой, которая застревала в памяти, хотя не должна была. Он нравился многим — и, кажется, прекрасно это понимал.

И, возможно... мне тоже.

Я быстро отвела взгляд.

Длинный звонок, пронзительный и громкий, разнесся по школе — большая перемена. Почти полчаса свободы. Все тут же сгребли вещи в рюкзаки и разбежались шумными группами.

— Лик, ты как? — голос Киры был тихим, полным тревоги.

— Да все нормально, я в порядке, — я попыталась улыбнуться так ободряюще, что сама почти поверила в эту ложь.

— Нет, Лик, это не нормально. Нельзя им позволять вести себя так с тобой, — ее голос дрогнул.

— Это все ерунда. Идем лучше перекусим, пока рогалики не разобрали, — я выдавила из себя улыбку, пытаясь переключить тему.

— Идем, — Кира улыбнулась в ответ и так нежно обняла меня, что на секунду стало легче дышать.

Поток людей в коридоре напоминал бурную реку. Очередь в столовой тянулась бесконечной змеей. Все как всегда: часть рванула за едой, другая — за школу, покурить. Мы отстояли свою очередь и взяли по рогалику и чаю.

— Идем на улице поедим, — предложила Кира. — Хочется тишины и покоя, а тут все носятся как ненормальные.

Я лишь кивнула. Мы направились к выходу. Внезапно я почувствовала резкий толчок в плечо. Боль обожгла руку, а спиной я с силой ударилась о стену и рухнула на пол.

— Ты че, не видишь куда прешь? Весь коридор заняла, бегемотиха! — голос Сони резанул по ушам. Она улыбалась своей фирменной злобной улыбкой и кричала это чуть ли не на всю школу.

«За что? Что я ей сделала?» — мысль вспыхнула в голове, но тут же вспомнились слова Киры: «Нельзя позволять им вести себя так с тобой». Ярость поднялась откуда-то из глубины. Я сама не поняла, как оказалась на ногах. Толкнула ее раньше, чем успела подумать.

— Да пошла ты! Хватит меня доставать! — выкрикнула я хрипло, сухо.

И тут я увидела Киру. Она не стояла в стороне. В одно мгновение она оказалась рядом со мной, ее рука легла мне на плечо. Не для того, чтобы удержать, а чтобы быть рядом. Я видела, как она сжала губы в тонкую линию, глядя прямо на Соню. В ее взгляде не было ужаса, который я ожидала. Там была холодная, стальная решимость. Будто она приняла какое-то решение.

— Ой, гляди-ка, голос прорезался? Нет, вы видели? — Соня вспыхнула яростью еще ярче. — Да как ты смеешь? Ты меня толкнула? Ты еще пожалеешь об этом! Я тебе такую жизнь устрою, мало не покажется. И твоя мамочка тебе не поможет! Как и тогда, в четвертом классе! На ее месте я бы повесилась, если бы у меня была такая дочь!

Каждое слово было как пощечина, но ей оказалось мало. Ладонь обожгла щеку.

И в эту секунду Кира сделала шаг вперед. Она встала прямо передо мной, словно живой щит.

— Хватит! — ее голос прозвучал не громко, но с такой властной, звенящей сталью, что Соня на мгновение осеклась. Это был приказ, а не просьба.

На глазах вспыхнули слезы. Эта боль разлилась по всему телу, она резала по самому живому без ножа.

Я больше не могла здесь находиться. Я побежала без оглядки. Хотелось исчезнуть. Раствориться. Проснуться кем угодно, только не собой. В тот момент мне казалось, что Соня права во всем.

Внезапно легкая, теплая рука осторожно схватила меня за локоть. Это была Кира. Она догнала меня.

— Лика! — запыхавшись, она резко прижала меня к себе так крепко, что я разрыдалась в голос.

— Давай свалим отсюда?

Я подняла на нее заплаканные глаза и едва заметно улыбнулась сквозь слезы:

— Хочешь... я покажу тебе свое место силы?

Кира удивленно вскинула брови:

— У тебя есть такое место?

— Угу.

— Так чего же мы ждем? Пошли быстрее.

Мы двинулись сразу, почти не останавливаясь, будто любое промедление могло вернуть нас обратно в шум школы.

Кира шла молча, держа меня за руку. Ее пальцы слегка дрожали, но я чувствовала тепло, которое согревало сильнее любого пледа.

Мы поднимались вверх по улице, туда, где шум города постепенно стихал, уступая место ветру и шепоту деревьев. И чем дальше мы уходили, тем легче становилось дышать.

Наконец, впереди показались красные кирпичные стены. Парамоновские склады стояли, словно стражи, охраняя свой секрет от посторонних взглядов.

— Мы пришли, — тихо сказала я, освобождая руку и делая шаг вперед.

Мы оказались на узкой стене, превращенной временем в своеобразную тропинку. Справа и слева зияли пустоты: справа — глубокий обрыв, ведущий к воде, слева — крутая насыпь, поросшая кустами. Казалось, что стоишь на лезвии ножа, балансируя между двумя мирами.

Воздух здесь был особенным. Время словно замерло, пропитывая каждый вдох запахом пыли, мокрых камней и ароматом весенних листьев. Где-то внизу журчала вода, струившаяся по древним желобам, создавая мелкий пруд, окаймленный ржавчиной и зеленью водорослей.

— Это... нереальное место, — прошептала Кира, осторожно ступая по шатающимся кирпичам. Деревья, выросшие прямо из трещин в стенах, тянулись к небу, словно призраки прошлого.

Я оперлась рукой о старую кладку, чувствуя холод кирпича сквозь кожу. Ветер играл с нашими волосами, заставляя сердце биться быстрее.

— Знаешь, — начала я, — иногда я прихожу сюда, когда совсем плохо. Просто сажусь на эту стену и смотрю вниз. Чувствую, как мир исчезает, остается только тишина.

— В первый раз я пришла сюда после истории с Золушкой, — призналась я. — Сидела тут до самого вечера и редела.

— Одна?

— Да.

Кира осторожно опустилась на выступающую часть стены, свесив ноги над водой.

— Почему именно это место? — спросила она, глядя на меня.

Я глубоко вздохнула, наблюдая, как солнце отражается в мутной воде.

— Потому что оно выстояло, — ответила я наконец. — Сколько всего произошло, а оно все равно здесь. Словно говорит: «Все пройдет, главное — держаться».

Кира наклонилась ближе к краю, и я инстинктивно взяла ее за руку, страхуя от возможного падения.

— Лик, что случилось между тобой и Соней? — осторожно спросила Кира, не сводя с меня внимательного взгляда.

Я почувствовала, как щеки заливают краской стыда. Воспоминания нахлынули волной.

— Даже не знаю, как объяснить, — начала я, отводя взгляд. — Мы знакомы еще с детского сада, наши мамы дружили. Мама Сони, Нелли, всегда восхищалась мной... Постоянно хвалила, говорила, какая я умница. Думаю, Соня злилась на это. С тех пор она меня терпеть не могла. Сначала это были мелкие гадости, потом Соня стала распускать обо мне самые мерзкие слухи, и с каждым годом становилось хуже. Я не понимаю, чего она добивается. Может, и правда хочет меня уничтожить?

Голос дрогнул, и я отвернулась, скрывая слезы.

— Это дико, — прошептала Кира, сжимая мои пальцы. — Ты ведь не виновата, что ее мама тебя хвалила.

— Да, — кивнула я, — но это уже не изменить. А когда Ваня перевелся к нам в школу... — я замолчала, чувствуя, как щеки вновь горят. — Никогда раньше я ни к кому такого не чувствовала. Но, похоже, я не сумела скрыть это. И Соня... она начала с ним встречаться, и я уверена, что лишь бы мне насолить.

— Лик, да он козел! — возмущенно воскликнула Кира, мотая головой. — Какой нормальный пацан будет бегать за Соней и бояться лишнего раз слово сказать? Да он просто трус!

— А что, если я люблю его, как ты Володю? — спросила я, чувствуя, как ком подступает к горлу.

— Не сравнивай, Лик, — серьезно ответила Кира. — Володя и я... у нас все честно. А у вас, — она замялась, — Ваня идиот.

Я слабо улыбнулась, но в душе продолжала кипеть боль.

— Лик, а о чем говорила Соня в школе? — Кира пристально посмотрела на меня.

— Ты о чем? — я постаралась сделать равнодушное лицо, хотя внутри все сжалось. Было стыдно произносить эти слова.

— Она сказала, что мама тебе не помогла...

— Ах, ты об этом, — я почувствовала, как голос начал дрожать, а горло сдавило спазмом. — Это было в четвертом классе... — я замолчала, пытаюсь собраться с мыслями.

— Мы ставили спектакль — «Золушку». Я безумно мечтала сыграть главную героиню. А Соня сперва отказалась, но узнав, что главная роль достанется мне, прибежала просить Екатерину Юрьевну. Учителя не могли успокоить ее истерику и вызвали родителей. И... — я замялась, чувствуя, как слезы наворачиваются на глаза. — Моя мама... она сказала, что я никакая не Золушка, и мне лучше сыграть кого-нибудь попроще, а роль отдать Соне. И я сдалась. В тот момент я ощутила, что меня предали.

И я снова сорвалась на слезы, рыдая в голос.

— Подожди... твоя мама сама это сказала? — Кира даже отстранилась, будто не поверила. — При всех?

Я кивнула.

— Это... Это просто ужасно, — прошептала Кира, бережно обнимая меня. Казалось, что она сама дрожит, словно разделяя мою боль.

— Знаешь, моя мама — психолог, — добавила она неуверенно, — хочешь, я поговорю с ней, и она проведет тебе курс терапии?

— Хочу, — неожиданно для себя я ответила так быстро, что слезы мгновенно высохли.

Я сама удивилась своему ответу. Обычно я никому не рассказывала о своих проблемах. Но сейчас вдруг захотелось поверить, что мне еще можно помочь.

Эти слова будто застали Киру врасплох. Ее взгляд потемнел, а губы сжались в тонкую линию. Она нервно теребила рукав жакета, словно боролась с внутренними демонами. Однако заметив мой робкий взгляд, Кира собралась с силами.

— Ты молодец, Лика, — твердо произнесла она, пряча свои сомнения. — И ты должна остаться сильной, как это место. Оно выстояло против всего, и ты сможешь тоже.

В этот момент мне впервые за долгое время стало не так страшно. Она протянула мне руку помощи. Настоящую дружескую руку.

Мы сидели молча, прислушиваясь к звукам воды и ветра. Вокруг царила тишина, прерываемая лишь редкими криками птиц.

— Спасибо, что привела меня сюда, — сказала Кира, крепче сжимая мою ладонь. — Теперь это наше место силы.

Впервые за долгое время я позволила себе открыться полностью. Рассказать о том, что годами прятала глубоко внутри. И Кира не отвернулась. Наоборот— она оказалась рядом, готовой выслушать, поддержать и даже бороться за меня. В этот момент я поняла: настоящая дружба — это не только веселье и поддержка, но и способность разделить самую темную боль.

Глава 3

Кира

Закончив свой рассказ, Лика начала рыдать так громко, что мое тело покрылось мурашками. Я застыла. Просто стояла и смотрела, не зная, что делать. Руки повисли, а в голове была оглушающая пустота и только этот плач раздавался эхом. Мне хотелось все это прекратить. Прямо сейчас. И я, не подумав, выпалила первое что пришло на ум:

— Знаешь, моя мама — психолог... хочешь, я поговорю с ней, и она проведет тебе курс терапии?

Слова вылетели сами. Я даже не успела осознать их смысл.

Ее мгновенное «Хочу» обожгло меня холодом, и в этот момент я поняла, что натворила. Черт, да чем я вообще думала? Какая к черту терапия.

«Шерк-шерк», — отдалось в висках. Этот звук я ненавидела больше всего. Прошлым летом он преследовал меня каждую неделю. Ручка медленно скользила по бумаге, а женщина напротив, почти не поднимая глаз от своего блокнота, спокойно спрашивала:

— Что ты сейчас чувствуешь?

Она говорила так, будто между словами и болью действительно существовала какая-то связь. Будто достаточно рассказать о том, что происходит внутри, и станет легче. Будто разговор способен что-то исправить.

Именно тогда я поняла, что ненавижу этот звук. Пока ручка продолжала царапать бумагу, ничего не менялось. Боль оставалась прежней, а слова так и оставались всего лишь словами.

Я снова посмотрела на Лику.

Она сидела спокойно. Слишком спокойно для человека, которому я только что предложила то, во что сама не верила. Ни страха, ни обиды, ни сомнений. Только это тихое, почти невозможное принятие. И от этого мне стало ещё хуже. Потому что я уже видела такое спокойствие раньше.

Когда я только перевелась в эту школу, Соня казалась мне обычной девчонкой, которая любит быть в центре внимания. Громкой, самоуверенной, немного заносчивой — ничего особенного. Поначалу я даже думала, что Лика просто слишком остро на нее реагирует.

Потом я начала замечать странное.

Соня почти никогда не говорила Лике ничего такого, за что ее можно было бы сразу обвинить. Наоборот, со стороны все звучало вполне безобидно. Иногда — как шутка, иногда — даже как забота.

«Я же просто пошутила».

«Ты все слишком близко принимаешь».

«Я ведь ничего такого не сказала».

Остальные смеялись или не придавали значения. А Лика после каждого такого разговора становилась тише. Улыбка исчезала с ее лица, взгляд опускался, плечи чуть заметно сжимались.

Сначала я убеждала себя, что просто чего-то не понимаю. Может, между ними действительно была какая-то старая история, о которой я не знала. Но чем ближе мы становились с Ликой, тем яснее я видела закономерность: Соня каждый раз находила именно то место, которое болело сильнее всего, и нажимала на него, делая вид, что ничего не произошло.

Сегодня я, наконец, поняла: это никогда не были шутки. Соня просто научилась причинять боль так, чтобы никто, кроме Лики, ее не замечал.

Я посмотрела на Лику. Она уже не плакала. Плечи расслабились, дыхание стало ровнее. Кажется, разговор о психологе действительно немного ее успокоил.

Думаю бессмысленно ждать, пока кто-нибудь другой ее спасет. Если рядом с Ликой и должен быть кто-то, кто не позволит ей снова остаться одной, то этим человеком могу стать я.

С этой минуты, я больше не позволю Соне причинять боль Лике.

— Спасибо, что привела меня сюда, — сказала я, крепко сжимая ее ладонь. — Теперь это наше место силы.

— Пойдем, я провожу тебя до дома, — продолжила я, нежно обнимая ее.

— Идем, время летит так быстро. — Лика слабо улыбнулась.

Мы пошли в сторону дома, и тяжесть в груди начала понемногу отпускать.

Я не оглядывалась, но ощущение этого места не покидало меня. Воздух здесь был неподвижным, тяжелым, пропитанным запахом мокрого кирпича и гнили. И эта тишина... она давила, поглощая все звуки. Будто все, что туда упадет — слова, крики, боль — просто исчезнет без следа.

Я тряхнула головой, прогоняя странное оцепенение.

— Кстати, вот наши рогалики! — роясь в рюкзаке я достала пакет с двумя слипшимися булочками. — Перекусим?

— Ты еще спрашиваешь? — она выхватила булку так быстро, что я едва успела моргнуть. — А чай? Чай-в сумке найдется?

— Увы, чай остался пролитым на прекраснейшем кафеле школы, — я старалась говорить с официальной сухостью, но губы сами собой расплылись в улыбке.

Мы вышли с территории складов и медленно зашагали домой. После всего, что произошло утром, город будто стал другим. Или, может, это я наконец снова начала замечать его. Машины привычно шумели на перекрестках, кто-то спешил с пакетами из магазина, навстречу прошла женщина с огромным пушистым псом, который лениво вилял хвостом каждому прохожему.

Мы доедали рогалики, то и дело стряхивая сахарную пудру с курток и смеясь друг над другом.

— Ты вся белая, — прыснула Лика, ткнув пальцем мне в рукав.

— На себя посмотри, — фыркнула я. — Ты будто в муке валялась.

Мы обсуждали всех подряд. Попадавшихся по дороге прохожих, смешные вывески магазинов. Особенно нас развеселила влюбленная парочка на лавочке. Парень так старательно тянулся к поцелую, что в последний момент они оба дернулись навстречу друг другу и звонко столкнулись лбами.

Мы расхохотались так громко, что они сами засмеялись вслед за нами.

— Представляешь, если мы когда-нибудь будем такими же? — сквозь смех сказала я.

— Нет уж, — фыркнула Лика. — Я хотя бы научусь целоваться без производственных травм.

— Конечно-конечно. С Ванькой потренируешься?

Лика тут же закатила глаза, но ее предательская улыбка сказала все за нее.

— А ты с Володей уже все распланировала?

— Естественно. У нас уже трое детей, собака и ипотека.

— Какая скуотища!

— Зато без столкновений лбами.

Мы снова расхохотались.

За разговорами мы и не заметили, как дошли почти до дома.

— Ну что, до завтра?

— Жаль расставаться так скоро! Встретимся перед школой?

— Конечно! — Лика обняла меня на прощание. — До завтра и спасибо, что ты у меня есть!

— О, Лика... До завтра!

Я смотрела вслед уходящей Лике, пока не завибрировал телефон.

— Алло? Володь, привет! — я расплылась в улыбке.

— Привет, родная. Я тебе весь день звоню! Все нормально? — с тревогой в голосе спросил он.

— Да-а... все супер, я просто не слышала, прости, — я грустно вздохнула. — У тебя что-то случилось? Или ты так соскучился, что хочешь снова угостить меня своими фирменными суши?

Володя громко расхохотался.

— Нет уж, одного раза мне хватило! Решила повторить свидание в моем туалете? Я ведь маме доказывал, что плитка там стремная, а ты, похоже, нашла в этом какой-то особый шарм.

Я фыркнула от смеха:

— Ну тогда признавайся! Чего звонил? Соскучился?

— Я начал скучать сразу, как ты уехала... А звонил сказать... Кир, я не смогу приехать на каникулы к тебе. Эти экзамены... Меня гоняют по репетиторам, нужно сдать ЕГЭ на отлично. И на секции завал... Прости.

— Ясно... — мой голос дрогнул. — Может, мне удастся вырваться к тебе на денек?

— Спрашиваешь? Хоть живи у меня! — он нервно хохотнул. — Ты не злишься?

— Нет, Володь... Мы же договорились быть честными. Я... Я все понимаю.

Он замолчал на секунду, а когда заговорил снова, от его шутливого тона не осталось и следа.

— Кир... А теперь серьезно. Что с тобой? Я же чувствую: что-то стряслось.

— А до этого ты просто развлекался? — огрызнулась я.

— Кир... Ты только что говорила о честности.

Я вздохнула и рассказала ему про Лику.

— И что ты предлагаешь? Надеюсь, сама ты не будешь в это лезть?

— Нет! Буду! Я постараюсь ей помочь!

— Кира, не стоит...

— Нет, стоит! — перебила я, чувствуя, как внутри снова поднимается злость. — Если все будут делать вид, что ничего не происходит, ничего и не изменится!

— Кир, ты...

Я нажала «отбой», не дав ему договорить. Телефон тут же погас в моей ладони.

Меня трясло.

Не потому, что Володя был неправ. А потому, что эти слова я уже однажды слышала.

«Не лезь».

Перед глазами на миг вспыхнуло что-то знакомое. Настолько быстро, что я не успела ухватиться за воспоминание.

Я резко зажмурилась.

Нет. Даже думать об этом не хочу.

Ноги сами принесли меня к подъезду, но зайти внутрь я не могла — просто ходила кругами вокруг лавочки во дворе. Выдохнув, я пошла внутрь...

Дома пахло папиным фирменным мясом и маминым яблочным пирогом. На пороге меня встретила мама, ее глаза светились теплом.

— Кира! Мы с папой приготовили ужин, только тебя и ждали.

Из глубины квартиры донесся папин голос:

— Я думал умру с голоду! Твоя мама любит помучить ожиданием.

Я разулась и пошла за мамой. На кухне царил привычный творческий беспорядок. Папа пытался помочь с нарезкой салата, но половина зелени уже лежала на полу. Мама смеялась, перешагивая через них, и шутила, что он может спроектировать небоскреб, но не может удержаться от шуток.

жать в руках пучок зелени. Я смотрела, как они смеются. Они научились жить с этой дырой внутри, но я — нет.

— Доченька, ты чего застыла? — Папа чмокнул меня в макушку — Проходи, мы с мамой уже все накрыли.

— Ой, да... Что-то я задумалась. Насмотрелась на вас, и душа радуется, — с улыбкой произнесла я.

Я села за стол, родители присоединились ко мне с той самой миской салата, над которой так усердно трудились.

Папа хитро прищурился:

— Как дела у нашего будущего зятя?

— Чего? Какого еще зятя? — я округлила глаза

— Ничего-ничего. Придет время — Владимир будет тебя на руках из загса выносить, как я твою маму в молодости. Ты это помнишь, дорогая?

— Такое разве забудешь? — хохотнула мама.

Я театрально закатила глаза:

— Па-а-а, ну хватит! Какая еще свадьба.

Я терпеть не могла эти шуточки. Мы с Володей сами разберемся, без лишних ушей. Папа, к счастью, спорить не стал: он быстро доел и ретировался в зал к телевизору.

Наступила тишина. Есть не хотелось — мысли о Лике не отпускали. Я достала телефон под скатертью. Пальцы сами вбили в поиск: «буллинг в школе что делать».

— Кир? — голос мамы раздался неожиданно близко. Она уже не гремела посудой. — Ты сегодня сама не своя. Что-то случилось?

Я вздрогнула и быстро сунула телефон в карман, выключив экран.

— Да нет... Просто устала. У Лики, ну... моей подруги, проблемы. С одноклассниками не ладит, и с мамой у них все сложно. Она... ей просто очень плохо.

Мама перестала улыбаться. Ее взгляд стал острым, профессиональным. Но за этим профессионализмом я увидела тень. Тень того дня.

— И ты хочешь ей помочь? — ее голос стал тише.

Я понимала, что она чувствует. Она всегда все чувствовала.

— Мам... я подумала... может, ты могла бы с ней поговорить? Как психолог? Пожалуйста.

Мама долго молчала, глядя в окно на темнеющий двор. Когда она снова посмотрела на меня, ее взгляд был полон тревоги.

— Мам... прошу, пожалуйста, — я вложила в эти слова всю свою надежду.

— Так. Стоп. Кира, я не могу просто так взять и начать терапию с незнакомым подростком. Мне нужно знать, что случилось. Были ли суицидальные мысли?! Я должна сначала поговорить с ней, а потом — с родителями.

Я молчала. Она была абсолютно права, но мне так нужно было ее согласие...

— Мам... Ее мама... она не станет слушать. Лика совсем одна.

Я посмотрела на нее своим самым умоляющим взглядом. Мама вздохнула, и ее плечи опустились.

— Ладно... Пусть приходит через неделю, это будет среда, в шесть. Но только для знакомства и диагностики. И я все равно буду настаивать на разговоре с ее родителями.

Я вскочила со стула, обняла маму и поцеловала в щеку, прошептав:

— Спасибо.

— Пока рано благодарить, — с каплей тревоги сказала она.

Мама вздохнула и начала сгребать грязную посуду.

— Может, помочь?

— Нет-нет, можешь идти. После такого дня тебе явно нужен отдых, — с теплом сказала мама, даже не обернувшись.

Я лишь кивнула и вышла из кухни.

Уже в коридоре я достала телефон и, поколебавшись несколько секунд, открыла чат с Ликой.

«Мама согласилась».

Ответ пришел почти мгновенно.

«Правда???»

Я невольно поморщилась.

«Да. Через неделю. Среда. Шесть вечера».

Сообщение сразу стало прочитанным.

«Спасибо».

Следом появилось еще одно.

«Я очень волнуюсь».

А потом еще:

«Но мне кажется, что это поможет».

Я остановилась посреди коридора и несколько секунд смотрела на экран. Поможет. Смешно. Хотелось спросить: чем именно? Хотелось написать, что разговоры еще никого не спасали. Что если бы все решалось словами, мир давно стал бы идеальным. Но вместо этого я коротко напечатала:

«Посмотрим».

Лика почти сразу прислала улыбающийся смайлик.

Я заблокировала экран и сунула телефон в карман. По крайней мере, теперь она знала дату. Но от ее радости мне стало только тяжелее.

Я отправилась в свою комнату, взяла домашнюю одежду и пошла в ванную. Хотелось одного — содрать с себя кожу вместе с этим днем.

В ванной я включила воду настолько горячую, насколько могла терпеть. Обжигающий поток хлынул из душа, пар мгновенно окутал маленькую комнатку мутной пеленой, отрезая от остального мира. Помыв голову шампунем с приторным запахом клубники, я принялась тереть веки ватным диском, пока кожа не начала гореть. Смывая черные разводы туши, я надеялась смыть и тяжесть внутри.

Вернувшись в комнату, я с размаху упала на идеально заправленную кровать. Матрас жалобно скрипнул.

Телефон завибрировал, заставив меня вздрогнуть. Сообщение от Володи: «Кир, прости меня, я знаю, как тебе тяжело сейчас. Но я очень переживаю за тебя. Я бы очень хотел быть рядом:»

Невольно губы дрогнули в слабой, болезненной улыбке.

«Так чего же не рядом?» — хмыкнула я про себя. Горячий ком подкатил к горлу, на глазах навернулись злые слезы. Но я тут же одернула себя: какой смысл злиться? Володя в другом городе, в 140 километрах отсюда, у него там кипит жизнь. Учеба, выпускные экзамены, соревнования по плаванию на носу. Ему нужно готовиться к поступлению, конечно, я понимала причины.

Пальцы замерли над экраном. Что ответить? Наконец, я напечатала: «Я не обижаюсь, может, только совсем немного. И только потому, что ты не можешь быть рядом:»

Ответ прилетел мгновенно, будто он ждал моего сообщения, держа телефон в руке: «Доброй ночи, родная:»

Я улыбнулась.

«Сказочных снов».

Сон не шел. Сердце все еще билось слишком быстро, а в голове одна за другой возникали мысли о Лике, о Соне. О том, как Лика снова смотрела в пол, будто хотела стать невидимой.

Я долго лежала, перебирая в голове все, что могла бы сделать иначе. И постепенно одна мысль начала вытеснять остальные. Сначала робко, почти незаметно, а потом стала единственной.

Я резко открыла глаза.

Кажется...

Я знаю, как помочь Лике.

Глава 4

Лика

Неделя тянулась мучительно долго.

Сначала мне казалось, что до среды еще целая вечность. Потом дни вдруг начали слипаться между собой. Школа, уроки, домашка, мамины замечания, сообщения от Киры — все превратилось в какой-то бесконечный фон.

Но каждый вечер я засыпала с одной и той же мыслью:

«Еще пять дней».

«Еще четыре».

«Еще три».

И вот наконец наступила среда.

На удивление, я проснулась с прекрасным настроением, будто предчувствовала грандиозные перемены впереди.

Выпрыгнув из кровати, я побежала собираться в школу. Нырнула в свои привычные толстовку с джинсами, машинально уложила без того идеально прямые волосы и пошла завтракать.

На кухне меня встретил густой запах кофе. Мама еще пила его, не успев уйти на работу. Когда я увидела ее, щеки обожгло жаром. Я надеялась, что она и сегодня уйдет пораньше.

— Доброе утро, мам — я попыталась улыбнуться как можно беззаботнее.

— Ты уже проснулась? А я собиралась тебя будить через 15 минут, — она одарила меня нежной улыбкой. — Может приготовить для тебя завтрак? А ты пока переоденешься к школе?

— Спасибо, я что-нибудь приготовлю сама. И я уже переоделась — хмыкнула я.

— А-а-а, да? — Мама театрально закатила глаза. — Все время забываю, что в таком виде можно выходить в свет.

— Как дела в школе? — Ее голос стал строже.

— Да как обычно, - я едва не добавила «все бесят», но вовремя прикусила язык.

— А почему ты прогуляла уроки на той неделе?

Я открыла рот, чтобы соврать, но она меня опередила:

— Лика, мне звонили из школы. Тебя не было полдня. Я соврала, что тебе стало дурно, но почему мне пришлось это делать? Краснеть из-за тебя? — Ее возмущение набирало обороты.

— Мне правда стало плохо, и я ушла. — Соврала я, не моргнув глазом. — Наверное, из-за роголиков школьных. — Добавила для правдоподобности.

— Господи, один холестерин! Лика, прекрати питаться этой дрянью! — мама поморщилась.

— Я буду стараться, — с ухмылкой съязвила я.

Она взглянула на часы, и заторопилась.

— Ох, черт, опаздываю! До вечера! И, Лика, завязывай с этим всем. — Она пригрозила мне пальцем уже на пороге.

Забавно, но именно такую реакцию я и ждала. Удивилась сама себе, как дерзко я с ней говорила. А про роголик добавила ей назло. Знала же, что она моментом забудет о пропуске занятий. Я улыбалась. Это было впервые — обычно меня это злило до слез.

Покончив с завтраком, я вышла на встречу к Кире. Мы договаривались с ней встретиться перед школой.

Дверь подъезда хлопнула и меня окатило теплым весенним ветром. За эту неделю весна будто окончательно вступила в свои права. Деревья покрылись свежей светло-зеленой листвой, а в воздухе все чаще чувствовался запах нагретой солнцем земли.

Я шла по тропинке и думала лишь о том, что сегодня тот самый день. Вечером я впервые пойду к психологу, и моя жизнь изменится. От этой мысли внутри одновременно становилось страшно и хорошо.

Из размышлений меня вырвало чье-то уверенное прикосновение сзади. Я резко обернулась.

— Фух, Кира! Ты че так пугаешь? Я чуть не обделалась!

— Упс, в следующий раз возьму для тебя сменное нижнее белье, — засмеялась она.

— Ну и шуточки! — я толкнула ее в плечо. — Идем уже.

Мы пошли рядом.

Несколько секунд я молчала, а потом все-таки не выдержала:

— Не верится, что уже сегодня.

— Что сегодня?

— Ну... консультация.

Кира тяжело вздохнула. Я сразу поняла, что зря начала этот разговор.

— Лика.

— Что?

— Ты всю неделю только об этом и говоришь.

— Потому что я волнуюсь.

— А я считаю, что ты слишком много на это надеешься.

Я нахмурилась.

— Почему?

— Потому что это просто разговор.

— Но вдруг поможет?

Кира резко остановилась.

— Поможет? — она издала короткий, раздраженный смешок и закатила глаза так демонстративно, что это было почти физически больно. — Лика, очнись! Что поможет? Болтовня? Нужны действия! Реальные действия! — она рубила воздух ладонью в такт словам. — А не эти... посылки на диванчике!

Она замолчала так же резко, как и начала. Мы пошли дальше, но теперь между нами повисла тишина, которая давила на виски. Я не решалась ее нарушить. Мы просто шли рядом: я — вялая и растерянная, и она — напряженная, как сжатая пружина. Ее слова эхом отдавались в моей голове. «Нужны действия...» Но какие? Я не могла понять ее логику. Она же сама предложила пойти к психологу! А теперь смотрит на меня как на наивную дурочку.

Эта мысль кольнула обидой, но я тут же ее отогнала. Нет, Кира не может быть неправой. Она просто... переживает. Да, точно. Она боится за меня. Боится, что я сломаюсь прямо там, на сеансе, и станет только хуже. Это не жестокость, это забота. Просто она... не умеет ее по-другому показывать.

Я судорожно вздохнула. Я должна верить. Должна верить, что этот визит к психологу — правильный шаг. Потому что, если я перестану в это верить, у меня ничего не останется.

В школе я старалась держаться от всех подальше. На переменах я пряталась в дальнем углу у окна, вжавшись в подоконник, лишь бы не попадаться на глаза. Мне не хотелось давать Кире лишний повод для беспокойства. На уроках я отвечала только тогда, когда меня спрашивали напрямую, и мой голос звучал глухо, словно из-под земли.

Все мои мысли были о вечере. Живот скручивало тугим, горячим узлом, а ладони потели так сильно, что я украдкой вытирала их о джинсы. Я гипнотизировала взглядом часы на стене — минутная стрелка будто прилипла к циферблату и отказывалась двигаться. Скорее бы шесть... Я войду в тот кабинет — и моя жизнь изменится. Только как? Что я скажу? С чего начать? А все ли нужно говорить? И именно в таком состоянии, на перемене перед последним уроком, мне прямо в лоб прилетела мокрая пожеванная бумажка.

— Так нечестно, Макс! В такую огромную мишень даже слепой бы попал! — Гена с Максом заливались смехом.

Я стиснула зубы и заставила себя не реагировать. Как вдруг я увидела Киру. Она шла по коридору с такой скоростью, что люди расступались перед ней. Она сжала кулаки так крепко, что побелели костяшки. Я поняла: она сейчас натворит дел из-за меня. Я бросилась ей наперез и схватила за руку.

На секунду мне показалось, что за ее злостью скрывается страх. Будто она боялась не за себя, а за меня.

— Кир, не надо!

Она дернулась было вперед, но остановилась.

— Нельзя позволять им это делать! Надо дать отпор!

— Это ничего не изменит. Станет только хуже.

Кира фыркнула и с силой ударила кулаком по подоконнику рядом. Я вздрогнула.

— Черт... — прошипела она сквозь зубы, не глядя на меня. Ее плечи все еще были напряжены, но она больше не рвалась в бой.

Мне было стыдно. Стыдно за то, что из-за меня она сорвалась. Это было невыносимо.

— Спасибо, — тихо сказала я.

Она лишь дернула плечом, все еще не поворачиваясь. — Идем уже. А то опоздаем.

Прозвенел звонок. Гул в коридоре стих, сменившись шарканьем ног и хлопаньем дверей. На уроке я сидела за партой, уставившись в учебник. Я не читала ни строчки. В голове стучала одна мысль: «Вечером. В шесть часов. Все изменится».

Сердце билось о ребра так громко, что я боялась, его стук услышит весь класс. Ладони снова стали влажными, и я украдкой вытерла их о джинсы. Голос учительницы, что-то объяснявшей у доски, доносился до меня будто сквозь толстый слой ваты.

Прозвенел звонок с последнего урока. Я вздрогнула от резкого звука. Подскочив с места, я быстро кидала вещи в рюкзак, стараясь не встречаться взглядом с Кирой

— Ты идешь? — ее голос был тихим.

— Нет... то есть да... но мне нужно подготовиться дома к вечеру. Иди без меня, — выпалила я на одном дыхании.

Кира округлила глаза от растерянности.

— Ладно... Удачи тебе там вечером.

Я вцепилась в лямку рюкзака и вышла из класса, оставив ее одну за партой.

Мне хотелось побыть одной, собраться с мыслями. Я сжала и разжала кулаки, пытаюсь унять дрожь. Что я скажу? С чего вообще начинают такой разговор? «Здравствуйте, меня все достают» или может «Добрый день, я жирная и меня все ненавидят», а может «Моя мать хочет защитить мне рот»? От этой мысли к горлу подкатил ком.

Я шла по школьному двору к воротам, когда мой взгляд зацепился за знакомую фигуру. Там, у выхода на парковку для учителей, стоял Ваня. Такой красивый... Его безупречная улыбка могла бы растопить даже самое ледяное сердце. Он был высокий, темноволосый, с пронзительными зелеными глазами и спортивной фигурой... От одного взгляда на него хотелось утонуть в его объятиях. Но там была она — Соня. Ее рука по-хозяйски лежала на его локте. Я понимала: просто так мимо мне пройти не дадут.

Внезапно сзади раздался ровный голос Киры:

— Опять смотришь на этого придурка?

Я вздрогнула от неожиданности.

— Да я не... я не... просто они там стоят...

Кира фыркнула:

— Они не тронут тебя. Идем.

Мы пошли прямо на них. Казалось, от Киры во все стороны разлетались искры ее злости. Соня хотела что-то сказать, открыла рот... но встретившись взглядом с Кирой, передумала и просто отступила в сторону вместе с Ваней. Мы просто прошли мимо. Чего, я была уверена, не случилось бы, будь я одна.

— Спасибо...

— Перестань, Лика! Мы ведь подруги! — тепло улыбнулась она.

— Ладно... Теперь ты в безопасности! Иди домой, а у меня еще есть кое-какие дела.

Мы попрощались у перекрестка.

Я бежала домой с такой скоростью, что ветер свистел в ушах. Меня продолжало трясти от волнения так сильно, что я чуть не споткнулась о бордюр дважды.

Оказавшись дома и закрыв за собой дверь своей комнаты, я немного выдохнула. Надо было собраться с мыслями. Желудок сводило не только от волнения, но и от голода. Я вспомнила про пакет чипсов, который прятала в нижнем ящике стола. Мама бы устроила скандал, если бы нашла его.

Я быстро достала пакет и, даже не садясь, начала запихивать чипсы в рот, почти не чувствуя вкуса. И тут мой взгляд упал на стол. Блокнот. Ручка. На случай, если психолог попросит что-то записать.

Схватив их, я пошла к Елизавете Александровне в офис.

Высокое здание из стекла и бетона нависало надо мной неприступной крепостью. Я вошла внутрь, и длинный коридор с ярким светом пахнул на меня запахом крепкого, свежесваренного кофе. Этот аромат казался здесь неуместным — слишком теплым для этих холодных стен.

Строгий голос охранника заставил вздрогнуть:

— Вам куда?

— Я записана на прием к Елизавете Александровне.

Он даже не поднял глаз от монитора:

— Пройдете прямо по коридору и повернете направо. Там будет лифт. Вам на седьмой этаж, кабинет 709. Ступайте.

Меня окатило новой волной страха. Желание развернуться и бежать без оглядки скрутило внутренности в тугий узел, но отступать было уже поздно.

И вот он — 709 кабинет. Вокруг смертельная тишина. Лишь оглушительный стук моего сердца нарушает ее.

«Ну все, Лика. Хватит трусить!», — сказала я сама себе дрожащим голосом и постучала в дверь, перед тем как войти.

Войдите, — раздалось из-за нее глухо.

Я толкнула тяжелую дверь и вошла внутрь. Кабинет был светлым, в кремовых оттенках, таких, что не цепляют глаз, не раздражают его. На всю стену — панорамные окна, но свет приглушали тяжелые шторы. Посреди комнаты стоял массивный стол темного дерева, а в дальнем углу, у окна, я заметила то, на что не обратила внимания сразу: мягкий диван и стеклянный столик. На нем уже стоял чайник, от которого шел легкий пар, и две изящные фарфоровые чашки.

За столом сидела мама Киры. Я узнала ее по фотографиям из соцсетей: та же мягкая улыбка, тот же внимательный взгляд. Она не была похожа на строгого доктора, скорее на добрую фею из сказки.

— Здравствуй, Анжелика, — мягко, как пуховая подушка, отозвалась она. Голос обволакивал, убаюкивал тревогу. — Присаживайся на диван.

Она грациозно поднялась и прошла к столику. Я неловко опустилась на край дивана, вжавшись спиной в подушки, будто пытаюсь стать невидимой. Елизавета Александровна села рядом, аккуратно расправив складки на брюках.

— Не откажешься выпить со мной чашечку чая?

— Нет... То есть не откажусь. — Ответила я, и предательская дрожь в голосе выдала мою панику.

Она разлила чай по чашкам. Аромат мяты и чего-то сладкого медленно растекался по комнате.

— Мы сегодня просто знакомимся, Лика, — мягко сказала Елизавета Александровна, разливая чай по чашкам. — Никаких правильных ответов от тебя не требуется. Ты можешь говорить все, что думаешь. Даже если тебе кажется, что это глупо.

Я кивнула, обхватив горячую чашку ладонями, которая обжигала мои ледяные руки.

— И еще одно. Все, что ты скажешь здесь, не заставит меня хуже о тебе думать. Ни одна твоя мысль. Договорились?

Я замерла. Именно эти слова немного успокоили.

— Договорились.

— Тогда расскажи мне о себе.

Я сразу напряглась, уставившись в янтарную жидкость тихо промямлила:

— Не знаю... Я обычная.

— Это очень удобный ответ, — слегка улыбнулась она. — А если чуть подробнее?

Я пожала плечами.

— Я толстая.

— Это первое, что приходит тебе в голову, когда ты думаешь о себе?

— Да.

— Еще?

— Неуклюжая.

Она кивнула.

— Еще?

— Странная.

— Еще?

Я растерялась.

— Все.

На секунду мне показалось, что я сказала что-то не то. Но Елизавета Александровна лишь задумчиво кивнула.

— Интересно.

— Что?

Елизавета Александровна чуть склонила голову набок.

— Ты описала свою внешность и недостатки. Но почти ничего не сказала о себе.

Я нахмурилась.

— А это не одно и то же?

— Нет.

Она сделала небольшой глоток чая.

— Что ты любишь?

Я пожала плечами, не отрывая взгляда от чая.

— Не знаю.

— Совсем ничего?

— Ну может... сцена. Я всегда хотела выступать на сцене.

Ответ вырвался сам собой.

— Правда?

Я кивнула.

— Да. Но это неважно.

— Почему?

— Потому что... ну, потому что я не подхожу на те роли, которые мне нравятся. Да и кому я нужна? — голос стал тихим, я говорила почти шепотом. Я крепче сжала чашку, уже не чувствуя пальцев от жара. — Всегда найдется кто-то, кто подходит больше. Кем будут восхищаться. Кто будет красивый и стройный...

Я сделала глоток, чтобы скрыть дрожь в губах, но чай показался горьким.

— На их фоне я просто... пустое место. Даже мама отводит взгляд, когда мы вместе. Я вижу, что ей стыдно.

Я наконец посмотрела на нее, в глазах стояли слезы.

— Иногда мне кажется, что, если я исчезну, никто этого даже не заметит. Всем станет только легче дышать.

Она некоторое время молчала. Психолог сделала глоток чая.

— Знаешь, Лика... Давай сыграем в маленькую игру? Я задам вопрос, он может показаться странным, но тебе просто нужно ответить честно.

Я настороженно кивнула.

— Какое пирожное твое самое любимое?

Вопрос застал меня врасплох. Напряжение в плечах слегка ослабло.

— «Три шоколада», — выпалила я раньше, чем успела подумать.

— Почему именно оно?

— Потому что оно идеальное.

— Чем?

И тут меня прорвало.

— Потому что это не просто шоколад! — я даже подалась вперед, забыв про смущение. — Там три разных вкуса! Горький, молочный и белый. Они не смешиваются в кашу, а лежат слоями... Они совсем разные, но вместе вкуснее, чем по отдельности. И текстура классная. И запах. И вообще...

Я замолчала так же внезапно, как и начала, и резко откинулась обратно на спинку дивана, смутившись своей внезапной горячностью. Щеки горели огнем. Я украдкой взглянула на психолога, боясь увидеть насмешку. Но Елизавета Александровна выглядела довольной.

— А что, если я скажу тебе... что это пирожное просто отвратительное? Как вообще можно сочетать эти три шоколада? Это же химическая атака на рецепторы!

Я даже выпрямилась.

— Ну нет.

— Почему?

Я вспыхнула гневом. Чашка в моих руках предательски звякнула о блюдце.

— Потому что оно вкусное!

— Для тебя?

— Да.

— А если мне не нравится?

— Ну и что? Вы просто не понимаете! Это пирожное невероятно вкусное! Просто вам, видимо, нравится что-то другое! Но вы не можете так говорить о нем! Это ваше личное мнение, и все!

Она кивнула, словно подтверждая, что именно это и есть правильный ответ. Ее взгляд оставался мягким, но внимательным:

— И правда. — Она аккуратно поставила чашку на стол. — То есть получается: — Мое мнение не делает это пирожное плохим?

— Конечно нет.

Она улыбнулась.

— Хорошо.

Я не понимала, к чему она ведет.

— Лика, а почему с собой ты поступаешь иначе?

Я замерла.

— В смысле?

— Когда речь идет о любимом пирожном, ты точно знаешь, что тебе нравится. И спокойно защищаешь свое мнение.

Она слегка наклонилась ко мне.

— Но стоит кому-то сказать, что ты недостаточно красивая, недостаточно стройная или недостаточно хорошая — ты сразу соглашаешься.

Я опустила взгляд.

— Потому что это правда.

— Кто это решил? Твоя мама? Одноклассники?

Я молчала, глядя в пол.

— Лика, мне кажется, ты очень давно смотришь на себя чужими глазами. Настолько давно, что почти перестала слышать собственный голос.

В груди неприятно кольнуло. Потому что я вдруг поняла: возможно, она права.

— А как его услышать?

Вопрос вырвался сам собой.

— Для начала нужно научиться понимать, где заканчиваются другие люди и начинаешься ты.

— А как его услышать?

— Для начала перестать автоматически соглашаться с тем, что говорят другие.

— Но, если они правы?

— Вот видишь? Ты опять спрашиваешь не себя, а их.

Я растерялась.

— Наверное...

Она немного помолчала.

— Ты очень редко задаешь себе вопрос: «А чего хочу я сама?»

Она взяла блокнот и быстро написала несколько слов.

— У меня есть для тебя задание. Маленькое испытание храбрости. Расскажи, есть что то, чего ты боишься сделать, но очень хотелось бы?

Я задумалась.

Странно. На ум сразу пришла розовая помада, купленная несколько месяцев назад. Она до сих пор лежала в ящике стола почти нетронутой.

— Есть одна вещь...накрасить губы..

Елизавета Александровна удивленно подняла брови. Она дописала последнюю строчку, вырвала листок из блокнота и протянула его мне.

— Отлично, тогда пусть будут губы.

Я с недоумением взяла листок. На нем аккуратным почерком было выведено: «Задание №1: Накрасить губы».

Я подняла на нее непонимающий взгляд.

— Просто сделай это. Не для кого-то. Для себя. Чтобы почувствовать границу между тобой и миром.

Слово «граница» зацепило меня.

— Какую границу? — спросила я тихо.

Елизавета Александровна улыбнулась и взяла в руки свою чашку с чаем.

— Представь себе дом. Твой дом — это ты сама. У дома есть стены и крыша. Они защищают от дождя и ветра. Это твои физические границы — твое тело. Никто не имеет права их ломать или входить без спроса.

Она поставила чашку на столик.

— Но у дома есть еще и забор вокруг участка. Это твои эмоциональные границы. — Когда кто-то говорит тебе обидные слова про еду или одежду — даже если этот человек желает тебе добра — он все равно касается территории твоих чувств.

Я слушала ее завороченно, представляя эту картину.

— А когда ты надеваешь свою широкую одежду... Ты пытаешься сделать этот забор невидимым или спрятаться за ним так глубоко, чтобы тебя никто не нашел. Но тогда ты и сама перестаешь видеть свой дом изнутри.

Она наклонилась чуть ближе ко мне, понижая голос до доверительного шепота.

— Губы — это парадная дверь твоего дома. Маленькая деталь фасада. Накрасив их яркой помадой даже для себя самой, ты как будто говоришь миру: «Вот она я». Ты обозначаешь свое присутствие. Ты ставишь табличку: «Частная территория».

Я сжала листок в кулаке еще сильнее, чувствуя, как вспотели ладони.

— То есть... это способ сказать «стоп»?

— Именно так. Это способ сказать: «Мои чувства важны». «Мое мнение имеет значение». «Это мое тело». Это первый шаг к тому, чтобы научиться говорить «нет» тому, что тебе неприятно.

Я посмотрела на яркую помаду в своей голове так, словно видела ее впервые в жизни — не как предмет косметики для красоты по чужим стандартам, а как инструмент защиты.

Это было страшно до дрожи в коленках. Но впервые за долгое время — еще и чуточку интересно.

— Что ж, Лика, думаю, на сегодня мы закончили. Я буду ждать тебя после каникул, — сказала Елизавета Александровна, протягивая мне свою визитную карточку. — Но чтобы наша работа продолжилась, нам нужно будет поговорить с твоей мамой. Ты должна обсудить это с ней.

Сердце заколотилось так громко, что его стук отдавался в ушах. Руки немного тряслись. «Встречи не будет. Мама ни за что непустит. Она не поймет, как обычно. А у меня никогда нехватит духу ей возразить... Или хватит?» — раздалось внутри.

— Елизавета Александровна... скажите, а можно мне прийти без разрешения мамы?.. — с робкой надеждой спросила я, ненавидя себя за эту слабость.

Психолог мягко покачала головой.

— О, Лика... Мы были в одной команде против этой беды, а не друг против друга. Без мамы не обойтись. К тому же, я не имею права работать с несовершеннолетними без согласия родителей. Таков закон.

Надежда разбилась вдребезги. Боль от этого разочарования была почти физической. Вот и закончилась терапия, не успев начаться.

— Если ты боишься поговорить с мамой, я могу сделать это сама, — предложила она. — Давай так и поступим?

— Нет-нет! — я внутренне содрогнулась. Сама мысль о том, что мама узнает о визите к психологу от чужого человека, пугала до ужаса. — Не надо... я попробую сама...

— Хорошо. Но если не получится — мой номер у тебя есть. Я обязательно помогу, — тепло улыбнулась она.

— Спасибо. И за сегодняшний прием тоже. Мне кажется, вы мне уже помогли кое-что понять.

— Я рада. Буду ждать тебя в апреле.

— До свидания, Елизавета Александровна.

— До встречи, Лика.

Выйдя из кабинета, я прислонилась спиной к холодной стене коридора. Меня трясло. Это было странное чувство — быть одновременно разбитой и полной какой-то отчаянной решимости. Словно внутри зажгли крошечный, но очень горячий уголек.

Я поняла не все. Но впервые кто-то спросил меня, чего хочу я сама. И впервые мне показалось, что ответ существует.

Но этот жар тут же гасила ледяная волна реальности. Я не вернусь. У меня никогда не хватит смелости сказать маме правду. Мысль о том, чтобы позволить психологу позвонить самой, пугала до тошноты.

Я оттолкнулась от стены и медленно побрела к лестнице. Каждый шаг давался с трудом. По дороге взгляд зацепился за табличку с указателем на туалет. Не знаю зачем, но ноги сами свернули туда.

Внутри было тихо. Только ровно гудела вентиляция да мерцал холодный свет под потолком. Я подошла к зеркалу и замерла. Из отражения на меня смотрела все та же Лика. Те же прямые волосы. Те же широкие плечи. Та же толстовка. Я машинально поморщилась.

«Толстая».

Слово возникло в голове раньше, чем я успела подумать о чем-либо еще. Я вспомнила Елизавету Александровну.

«Ты очень давно смотришь на себя чужими глазами».

Неужели правда? Я еще раз посмотрела на свое отражение. Ладно. Если не толстая, тогда какая? Я нахмурилась.

— Какая?

Ответа не было.

Я видела волосы. Глаза. Нос. Щеки. Но стоило попытаться описать себя иначе, внутри образовывалась пустота. Будто кроме чужих слов обо мне ничего не осталось.

Я осторожно коснулась кончиками пальцев зеркала.

— Кто ты вообще такая?.. — тихо спросила я свое отражение.

Девочка по ту сторону стекла выглядела такой же растерянной. Я невольно усмехнулась. Нет. Сегодня я точно не найду ответ. Но впервые за долгое время мне захотелось его искать. Я глубоко вдохнула, отвернулась от зеркала и направилась к выходу. Дверь на улицу показалась невероятно тяжелой.

После дождя было сыро и душно. Тяжелый, влажный воздух давил на плечи, словно пытаясь пригвоздить меня к земле. Я брела домой, чувствуя себя совершенно опустошенной.

А что, если рискнуть? Делать каждый день один маленький шаг. Завтра — помада. После завтра — тушь. Потом найти в шкафу какое-нибудь старое платье... Представить лица одноклассников... Фантазия рассыпалась под весом реальности.

Я горько усмехнулась.

«Кого я обманываю?»

Сейчас я могла лишь сжать кулаки в карманах и идти вперед, глотая слезы.

Телефон завибрировал. На экране высветилось: «Мама».

— Лика, где тебя носит? — голос был резким, не предвещавшим ничего хорошего.

— Привет, мам. Я уже иду домой.

— Ты хотя бы предупредила, что вечером уйдешь гулять!

— Я не подумала... Ты же обычно на работе задерживаешься...

— Поэтому меня не нужно предупреждать? Лика. Иди домой, — отрезала она, и в трубке раздались короткие гудки.

Кажется, дома будет серьезный разговор. Мама явно не в духе.

Дверь квартиры открылась со знакомым скрипом. Войдя внутрь, я услышала, как мама любезничает по телефону... Из кухни тянуло запахом жареной рыбы с луком, и только сейчас я поняла, насколько голодна. Этот запах перебил аромат дождя, и желудок предательски заурчал. Плевать на разговоры, еда сейчас важнее.

Мама бросила на меня косой взгляд и торопливо завершила диалог.

— Лика, ты не можешь вот так уходить, не предупреждая меня! Даже если я на работе!

— Угу, — промычала я с набитым ртом.

— Это ни в какие ворота! Анжелика, прекрати жрать, пока я с тобой разговариваю!

Я чуть не поперхнулась. Прямо как по сценарию. Я вспомнила слова психолога: «Ты должна обозначить свои границы»... и струсилa. Все правильные слова испарились из головы.

— Я... я хотела сказать, что поняла. Больше такого не повторится, мам, — промямлила я, глядя в пол.

— Отлично. И хватит есть на ночь глядя. Тебе пора подумать о своей фигуре, — медленно, поджав губы, мама просто выхватила у меня из рук тарелку.

Мое сердце замерло. Она никогда так не делала. Я встала из-за стола и ушла. Трусиха! Закрыв дверь своей комнаты, я снова залилась слезами. Мне опять сделали больно, а я... я позволила. Я всегда позволяю.

Стянув с себя одежду, я надела пижаму и залезла под одеяло, сжимая его так крепко, что побелели костяшки пальцев. Анализируя произошедшее, я приняла решение.

Хватит.

Я буду меняться.

Я добьюсь своего уважения, чего бы мне это ни стоило.

С этой мыслью я наконец закрыла глаза.

Утром я уже собранная стояла перед зеркалом, держа в руке ту самую помаду. Ту, что стала моим символом сопротивления.

— Давай, Лика. Ты должна это сделать. Один шаг. Всего один, — уговаривала я свое отражение.

Но рука не слушалась. Она словно налилась свинцом. Я не могла заставить себя даже открыть тюбик. Провал был оглушительным.

Я медленно положила помаду обратно на стол.

От одной мысли жгло внутри.

— У меня не получилось.

Даже такое простое задание оказалось для меня слишком трудным. Я посмотрела на розовый тюбик в своей руке. Еще вчера я бы поспешила спрятать его обратно в ящик стола, подальше от глаз. Чтобы не напоминал о том, чего я боюсь. Но сегодня не стала.

Помада осталась лежать на виду. Маленькая. Нелепая. Но значащая для меня нечто большее, чем раньше. Я провела пальцем по холодному пластику и глубоко вздохнула. Может быть, перемены начинаются не тогда, когда у тебя все получается. Может быть, они начинаются в тот момент, когда ты решаешь попробовать еще раз.

Завтра.

Завтра я попробую снова.

Глава 5

Ли́ка

Тюбик помады лежал на краю моего стола. Тот самый, розовый. Две недели его гладкий пластик гипнотизировал меня каждый раз, когда я садилась за стол. Я брала его в руки, ощущала прохладную тяжесть... и клала обратно. Мысль о том, чтобы провести им по губам, вызывала панику.

Я снова вспоминала разговор с Елизаветой Александровной. Ее слова о границах, о любви к себе, о том, что изменения начинаются с маленьких шагов. Надо было еще поговорить с мамой, но смелости на это я так и не нашла.

Последние дни перед каникулами всегда были сумбурными. Всем было не до меня, и даже привычные насмешки звучали реже. Кира была рядом. Она даже уговорила нашу классную посадить нас вместе после каникул.

Кира большую часть каникул была у бабушки на даче, но время от времени все-таки приезжала в город. И каждый такой день она почти сразу писала мне:

«Ты опять дома?»

«Выйди на улицу, Лик»

«Я скоро тебя вытащу, даже если ты притворишься, что тебя нет»

И она действительно вытаскивала.

Мы гуляли по городу без цели — просто шли вперед, куда ноги ведут. Иногда заходили в маленькие магазины за сладким, иногда сидели на лавочках и молчали, пока вокруг проходили люди.

С ней молчание не было неловким. Оно было... нормальным.

Иногда Кира толкала меня плечом и начинала смеяться просто так, без причины. И я ловила себя на том, что смеюсь вместе с ней — не думая, правильно ли это и достаточно ли я сейчас «хорошая».

И все же... когда я пыталась рассказать ей про встречи с Елизаветой Александровной, про задания и про то, как странно все это внутри ощущается, Кира почти сразу уводила разговор в сторону. Словно чувствовала, что это лучше оставить «потом».

Поэтому я все чаще пряталась в рисунках. Мой стол превратился в штаб-квартиру выдуманного мира: листы с эльфами, драконами и принцессами заполнили все пространство.

Сначала я рисовала тех, кем мечтала быть. Потом поняла, что могу создавать своих героев. Эта идея захватила меня целиком: свой сюжет, свои правила.

Вот и сегодня я сидела над очередным рисунком, лишь бы не думать о разговоре с мамой, который так и не состоялся. Серебристые волосы, корона, пышное платье. Забавно. Когда-то мы с Соней рисовали таких красавиц.

Я неожиданно вспомнила школьный конкурс рисунков. Мы с Соней сидели за одним столом и старательно выводили каких-то принцесс. Кажется, тогда мы еще даже пытались дружить. Я плохо помнила сам конкурс. Зато отлично помнила, как мама Сони остановилась возле наших работ.

— Ли́ка, какая красота! — восхитилась она тогда. — Ты настоящий талант.

А потом она повернулась к рисунку Сони.

— Неплохо. Но тебе еще нужно много заниматься.

Соня ничего не ответила. Только посмотрела сначала на свой рисунок, потом на мой. И как-то странно поджала губы. Я даже обрадовалась похвале. А вечером случайно услышала, как Соня ругается с матерью в коридоре школы.

— Опять Ли́ка! Всегда эта Ли́ка!

Это была единственная фраза, которую я разобрала. Тогда я решила, что она просто расстроилась из-за конкурса. Сейчас мне казалось, что все было немного сложнее.

Воспоминание растворилось так же быстро, как появилось. Я моргнула и снова посмотрела на рисунки, разбросанные по столу.

Яркие, смелые персонажи, которых я сама создала, словно смотрели на меня в ответ. Они не боялись быть собой. Не прятались. А я?

Я отложила карандаш и медленно повернулась к зеркалу. Мой взгляд упал на тюбик помады.

— А почему нет?

Мысль прозвучала тихо, но неожиданно твердо. Сердце тут же забилося быстрее. Стало страшно. Настолько страшно, что захотелось снова убрать помаду в стол и забыть про нее еще на пару недель.

Но я устала бояться.

Я взяла помаду. Пальцы немного дрожали. Холодный пластик коснулся губ. Первый мазок был неуверенным, но с каждым новым движением росла и моя решимость.

— Я... я совсем неплоха собой.

Слова прозвучали настолько странно, что я даже оглянулась по сторонам. Будто их сказала не я. Сердце колотилось. Через секунду мне захотелось схватить ватный диск и стереть все к черту. Потому что нравиться себе было непривычно. Почти неправильно. Слишком много лет я была уверена, что со мной что-то не так.

Эта розовая помада словно подсвечивала лицо изнутри. Она подчеркивала мои серо-голубые глаза, делая их ярче обычного. А ведь они большие... Чем-то похожи на мамины. Почему я раньше этого не замечала?

Я медленно повернула голову вправо, влево. Девушка в зеркале повторила мое движение. Но это была уже не та серая тень, что прятала глаза еще вчера. Щеки слегка порозовели — то ли от волнения, то ли от того, что в комнате было жарко. Губы... они казались полнее, ярче. И эта новая я не отводила взгляд. Она смотрела с вызовом и... любопытством?

Я сделала шаг назад, не разрывая зрительного контакта с отражением. Сердце билось быстро, но уже не от страха. Мне вдруг стало тесно в комнате. Хотелось открыть окно настежь, выйти на улицу, идти куда угодно, лишь бы не стоять на месте.

Недолго думая, я решительно пересекла комнату, повернула ключ в замке, расправила плечи и толкнула дверь. Лестничная площадка встретила меня тишиной, но я чувствовала себя так, будто выхожу на сцену под свет софитов.

Сегодня прохожие не казались мне враждебными. Женщина с коляской посмотрела в мою сторону и улыбнулась. Я автоматически отвела взгляд. А потом вдруг поймала себя на мысли, что, возможно, она улыбалась вовсе не мне. Или мне? И впервые за долгое время эта мысль не казалась смешной.

Мне вдруг показалось, что мир вокруг стал мягче. Или, может быть, это я впервые перестала ждать удара от каждого встречного взгляда.

Незаметно для себя я оказалась у витрин магазина косметики. Мир вокруг расплывался, я двигалась словно в сладком тумане. Я брала в руки баночки и пузырьки, открывала тестеры, наносила на запястье разные оттенки теней... Несколько раз я брала тушь в руки и ставила обратно. Потом снова брала. Словно совершала какое-то преступление. В итоге я все-таки донесла ее до кассы. И пока продавец пробивал покупку, была уверена, что сейчас развернусь и убегу.

Вернувшись домой, я, пританцовывая, сделала себе бутерброд. Энергия была ключом. Я села за стол, включила музыку и раскрыла альбом. Карандаш порхал по бумаге, создавая совершенно нового героя — смелого, яркого, с горящими глазами. Он был похож на ту девочку, которую я сегодня увидела в зеркале.

— Ох, Ли́ка, это ты нарисовала сама? — мама выхватила один из рисунков и с интересом принялась его рассматривать.

Я вздрогнула.

— Ой, я не слышала, как ты вошла...

Мне не хотелось показывать свои рисунки никому. Тем более маме. Это было что-то слишком личное. Мой собственный мир, в который я пока никого не готова была впускать.

— Верни, пожалуйста, — сказала я, протянув руку.

Я сама удивилась тому, как твердо прозвучал мой голос.

Мама подняла на меня удивленный взгляд, но рисунок вернула.

— Надо же... А ты хорошо рисуешь.

Я осторожно забрала лист и положила его поверх остальных.

И тут мама прищурилась.

— Подожди... Это что, помада?

На ее лице появилась улыбка.

— Ли-и-и-ка... Девочка моя, ты ли это?

Она театрально приложила ладонь к моему лбу.

— Температуры вроде нет.

Я невольно рассмеялась.

— Я купила ее давно. Просто сегодня захотелось накрасить губы.

Несколько секунд я колебалась.

— Правда, мне идет?

Мама посмотрела внимательнее.

— Да, идет.

Сердце приятно дрогнуло.

— Тебе вообще яркие цвета подходят.

Я почувствовала, как внутри становится тепло.

Но уже через секунду мама привычно добавила:

— Вот видишь? Стоит немного заняться собой — и совсем другой человек получается.

Улыбка на моих губах чуть дрогнула. Конечно. Без этого она не могла.

Но все равно... она сказала, что мне идет! Я ожидала чего угодно. Что она скажет стереть помаду. Что назовет это глупостью. Что снова начнет рассказывать, как я выгляжу со стороны. Но этого не произошло. И конечно, от этого становилось радостно. Я посмотрела на маму и вдруг подумала, что сейчас подходящий момент, чтобы поговорить о психологе. Сейчас. Пока хватает смелости.

— Мам, а ты бы могла меня...

Слова застряли где-то в горле. Сердце заколотилось так сильно, что стало трудно дышать.

Ну же. Скажи. Просто скажи.

— Что? — мама вопросительно подняла бровь.

Я открыла рот. И тут же закрыла. Нет. Не могу.

— Ничего, — выдавила я. — Забыла.

Мама усмехнулась.

— Странная ты сегодня какая-то.

— Наверное.

Я улыбнулась в ответ. А внутри снова стало гадко от самой себя. Потому что я опять струсил.

Уже лежа в кровати, я пыталась понять, чего во мне больше — разочарования или радости. Разочарования от того, что я снова не смогла заговорить с мамой о самом важном. Или радости от того, что сегодня впервые за долгое время посмотрела на себя и не захотела отвернуться.

Я вспомнила свое отражение в зеркале. Помаду. Улыбку. То странное чувство, будто мир вдруг стал чуть менее враждебным. Может быть, Елизавета Александровна была права. Может быть, большие перемены действительно начинаются с маленьких шагов. А разговор с мамой никуда не денется. Я обязательно расскажу ей все. Просто не сегодня. С этой мыслью я наконец позволила себе уснуть.

Утро наступило слишком быстро, словно я только закрыла глаза, а за окном уже светло, и от ночной тишины не осталось и следа. Всю ночь я промечтала о том, какой хочу быть, боясь спугнуть это новое чувство уверенности, которое начало оживать внутри меня. Возможно, когда-нибудь оно перестанет быть хрупкой мечтой и станет моей реальностью.

Гул будильника не вызвал привычного раздражения. Наоборот, он прозвучал как сигнал к началу нового дня. Я легко соскочила с кровати, чувствуя непривычную легкость во всем теле. Собрала рюкзак к сегодняшним урокам и побежала приводить себя в порядок.

В ванной я остановилась перед зеркалом. Раньше этот ритуал был испытанием: быстрый взгляд, чтобы убедиться, что все не слишком ужасно, и немедленное бегство. Сегодня я задержалась.

Вчерашнее чувство никуда не исчезло. Но и уверенности не прибавилось. Я все еще замечала слишком круглые щеки, все еще видела недостатки, которые обычно бросались в глаза первыми. Просто сегодня они не казались катастрофой.

Я осторожно провела рукой по волосам. Пепельно-русые пряди блестели и пахли чем-то сладким и легким. В отражении по-прежнему была я. Та же самая.

Твердой рукой я взяла помаду. Одно легкое движение — и губы приобрели четкий контур, как будто я делала это всю жизнь. Я улыбнулась своему отражению, и улыбка вышла настоящей, а не вымученной. Внутри шевельнулось что-то теплое и непривычное. Наверное, так чувствует себя человек, который наконец сделал то, чего долго боялся. Я все еще волновалась. Все еще боялась передумать в последний момент. Но сейчас мне хотелось только одного — дойти до школы и не стереть помаду по дороге.

Закончив сборы, я прошла на кухню, напевая про себя «Девочка, танцуй». Я даже приплясывала на ходу в такт песне, но желудок решил напомнить о себе громким урчанием. Я нырнула в холодильник и досадно вздохнула: там не было ничего вкусного. Одни овощи, зелень, яйца. Фу. Диета мамы снова пыталась испортить мне жизнь.

На столе стояла недопитая чашка уже остывшего кофе — единственный след того, что мама была дома. Значит, уже ушла.

Я почувствовала облегчение. Не потому, что не хотела ее видеть. Просто сегодняшний день казался слишком хрупким. Мне хотелось сначала самой привыкнуть к этой новой версии себя, а уже потом показывать ее кому-то еще.

Я налила себе чаю и потянулась к своему спасению — заветной полке со сладостями. Вот это настоящий друг, который не предаст и всегда поднимет настроение! Насладившись чаем с печеньем, я почувствовала прилив сил.

Вернувшись в комнату, я торопливо натянула джинсы, самую просторную футболку и подхватив рюкзак, направилась к выходу. Уже у самого порога я мельком глянула в большое зеркало в прихожей. И ничего. Ни привычного желания отвернуться, ни сжаться. Отражение встретило меня взглядом, полным тихой уверенности. Никаких сомнений. Я улыбнулась ему — той самой, настоящей улыбкой — и вышла за дверь, навстречу дню.

Апрельское солнце не просто светило — оно затопило все вокруг расплавленным золотом. Воздух, густой и теплый, стоял запах цветов и влажной земли.

По дороге в школу я несколько раз ловила на себе чужие взгляды. Совсем недавно от этого захотелось бы спрятаться. Сегодня я просто шла дальше.

Школьники со всех уголков сбегались к школе. Никто не отпускал язвительных шуток, никто не смеялся. Я наслаждалась. Меня вырвал из мыслей чей-то крик.

— Лика! Подожди меня!

Я обернулась. Кира неслась через двор школы, размахивая рукой. Рюкзак подпрыгивал у нее на плече. Добежав до меня, Кира согнулась пополам и несколько секунд просто пыталась отдышаться.

— Ты... чего... меня не дождалась? — выдохнула она.

— Не знаю... Задумалась, наверное.

Я полезла в карман за телефоном и замерла.

— Ой.

— Что?

— Кажется, я телефон дома забыла.

— Серьезно?!

— Угу.

Она шумно выдохнула и закатила глаза.

— Лика, я тебе раз сто звонила! Даже к тебе домой заходила.

Я виновато улыбнулась.

— Прости.

Кира уже собиралась что-то сказать, но вдруг прищурилась.

— Подожди...

Она наклонилась ближе.

— Это что?

Сердце радостно подпрыгнуло. Она заметила.

— Помада.

— Я вижу, что помада!

— Ну и?

— Лика...

— Мне идет? — Я расплылась в улыбке.

Несколько секунд Кира просто смотрела на меня.

— Идет.

Я довольно заулыбалась еще шире.

— Но ее нужно срочно смыть!

Улыбка тут же сползла с моего лица.

— Что?

Кира уже лихорадочно перебирала содержимое рюкзака.

— Где-то были влажные салфетки...

— Зачем?

— Затем, что помаду нужно смыть. Они же это увидят.

Она наконец вытащила упаковку и сунула ее мне в руки.

— Вот, держи.

— Нет.

— Лика...

— Нет.

Кира растерянно моргнула.

— Ты не понимаешь. — Она нервно поправила ремень рюкзака. — Такая яркая помада сразу бросается в глаза. Они начнут цепляться еще сильнее.

— Может быть.

— Не может быть. Точно начнут.

— Ну и пусть.

Кира растерянно заморгала. Будто не ожидала такого ответа. Хотя я сама удивилась тому, насколько спокойно это прозвучало.

— Что значит "ну и пусть"?

— Пусть говорят, что хотят.

Она схватила меня за руку.

— Лик, пожалуйста.

На секунду мне даже захотелось согласиться. Взять эти дурацкие салфетки. Стереть помаду. Снова стать незаметной как раньше. Но потом я вспомнила свое отражение в зеркале. И ту девочку, которая вчера впервые не отвела взгляд.

— Нет. Я хочу пойти так.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга. Потом я развернулась и пошла к входу школы. За спиной не было ни шагов, ни возмущенных возгласов. Только через пару секунд я услышала тяжелый вздох:

— Господи, какая же ты упрямая...

И уже тише:

— Ладно. Но если кто-нибудь что-нибудь скажет, я его убью.

До кабинета геометрии мы дошли молча. Я чувствовала на себе недовольный взгляд Киры, но спорить она больше не пыталась. Только крепче сжимала ремень рюкзака.

Школьный коридор гудел голосами. Кто-то смеялся, кто-то спешил на урок, кто-то на ходу листал телефон. Я шагнула в кабинет геометрии и на мгновение замерла.

«Вот сейчас. Сейчас все увидят.»

По дороге в школу мне почти удалось убедить себя, что помада — это ерунда. Что никто не станет обращать на нее внимание. Но стоило переступить порог класса, как уверенность куда-то испарилась.

Я быстро огляделась. Соня уже сидела на своем месте и что-то рассказывала подругам. Ваня листал телефон, откинувшись на спинку стула.

«Интересно, они заметят? И что тогда?»

Сердце забило быстрее. Может, Кира все-таки была права, и это плохая идея? Я машинально провела языком по губам, словно проверяя, на месте ли помада.

Нет. Поздно. Я все равно не собиралась ее стирать.

Стараясь выглядеть спокойной, я прошла к своей привычной парте и только успела положить рюкзак, как Макс обернулся. Его взгляд сразу остановился на моих губах.

Улыбка медленно расплзлась по лицу.

— О-о-о...

Он толкнул локтем Гену.

— Смотри-ка. Наш пончик теперь с клубничной глазурью.

Гена поднял голову, несколько секунд рассматривал меня, а потом громко заржал.

— Ага. Наш пухляш решил разнообразить меню.

Смех прокатился по ближайшим партам. Что-то неприятно кольнуло внутри. Наверное, такие слова еще долго будут задевать меня. Но сейчас я почувствовала больше раздражения, чем обиды. Как будто они рассказывали одну и ту же шутку уже сотый раз и никак не могли придумать новую.

Мой взгляд скользнул в сторону Киры. Она стояла рядом и смотрела на мальчишек так, словно прикидывала, кого из них ударить первым. Ее челюсть была напряжена. Пальцы сжались в кулаки.

— Лика.

Я перевела взгляд на нее.

— Мы вообще-то договаривались.

— О чем?

— Что сидим вместе.

Только сейчас я вспомнила.

— Точно.

Кира ткнула пальцем в сторону третьего ряда.

— Наши места там.

— Совсем забыла.

Я подхватила рюкзак и пересела рядом с ней. За спиной еще какое-то время слышались смешки Макса и Гены, но теперь они не казались такими громкими, как раньше.

Прозвенел звонок. В кабинет вошла Галина Алексеевна, положила журнал на стол и почти сразу начала объяснять новую тему.

Я открыла тетрадь.

— Я же говорила, что они начнут, — едва слышно прошептала Кира.

Она все еще выглядела сердитой.

— Может, все-таки сотрешь?

Из рюкзака снова появилась знакомая упаковка влажных салфеток.

Я невольно улыбнулась.

— Кир.

— Что?

— Убери.

— Лика...

— Нет.

Она тяжело вздохнула и убрала салфетки обратно.

В этот момент над классом раздался голос Галины Алексеевны:

— Девочки!

Мы обе вздрогнули.

— Именно поэтому вас и рассадили! Что бы вы не болтали весь урок!

Несколько человек засмеялись.

— Извините, Галина Алексеевна, — хором ответили мы.

До конца урока мы почти не разговаривали. Я лишь однажды покосилась на Киру. Она что-то быстро строчила в своем блокноте. Потом недовольно поморщилась, несколько раз перечеркнула написанное и захлопнула его. Через секунду ее взгляд уже был прикован к доске. Я усмехнулась про себя и тоже перевела взгляд на доску. Но мысли все время ускользали куда-то в сторону. То и дело я ловила себя на том, что смотрю совсем не туда. На соседний ряд. На Ваню. Один раз он поднял голову от тетради, и наши взгляды встретились. Я тут же отвернулась. После этого мне было трудно сосредоточиться до самого конца урока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.